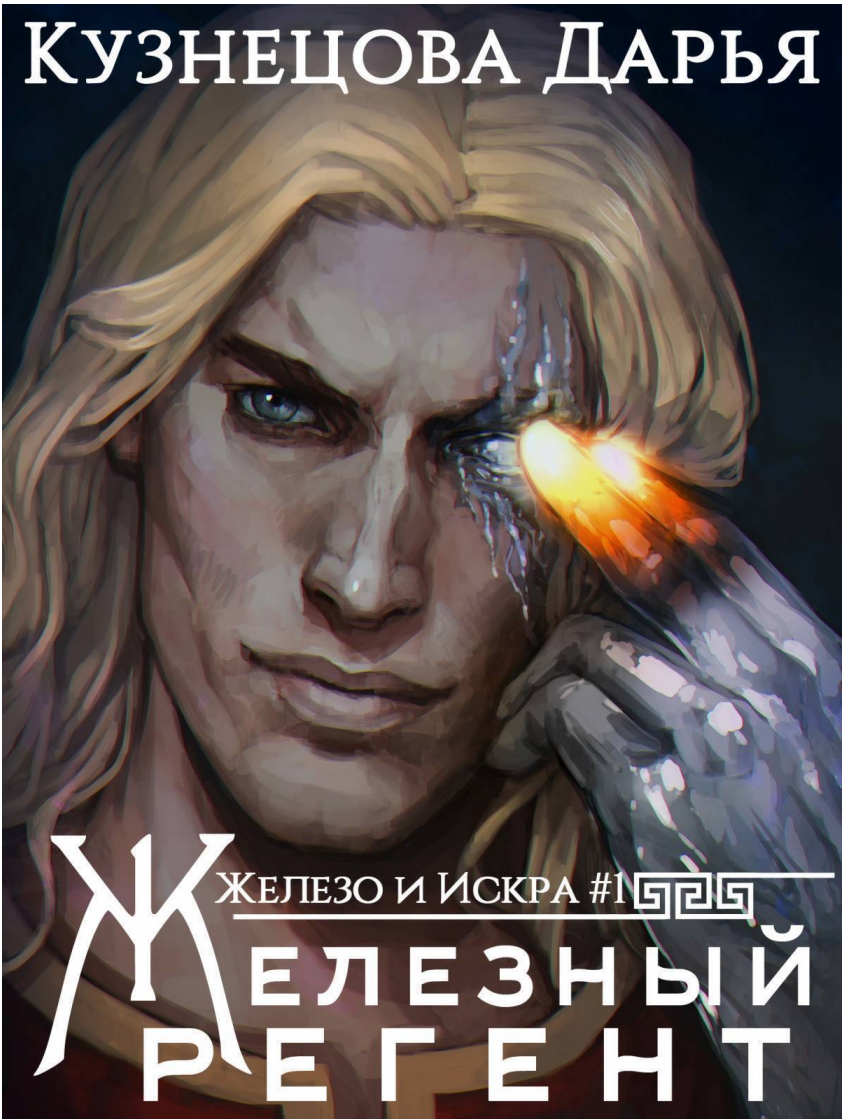
Кузнецова Дарья



Железо и Искра #1

Железный регент

Дарья Андреевна Кузнецова

Железный регент

Серия «Другие миры (АСТ)»

Серия «Железо и Искра», книга 1

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32503088
Дарья Кузнецова. Железный регент: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-107773-0

Аннотация

Каждому с детства твердят, что нельзя верить незнакомцам. Рина Пыль Дорог всегда считала это разумным, но однажды нарушила правило и рискнула, последовав за чужаком.

Ив Ярость Богов, прозванный Железным регентом. Безумец, обласканный богами. Воин, которого умирающий кесарь во имя спасения наследника наделил неограниченной властью. Так ли он опасен, как говорят? И для кого больше: для врагов, для оказавшейся рядом молодой девушки или же для себя самого?

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 25
Глава 3 53
Глава 4 75
Глава 5 93
Конец ознакомительного фрагмента. 122

Дарья Кузнецова
Железный регент

© Д. Кузнецова, 2018
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2018

Глава 1
Рискованный выбор

Рина Пыль Дорог

– Ах ты, ржавая… – **декатор**[1] Диз, сыплющий площадной бранью, сипел от ярости, и я с грустью поняла, что доигралась. В прямом смысле.

Не покалечил бы!

Я зажмурилась крепче, прижав руки к животу и втянув голову в плечи, словно пытаясь свернуться внутрь себя, закрыться, подставив под надвигающуюся опасность спину или, в крайнем случае, голову. Да, это тоже больно. Но если бешеный, наотмашь, удар тяжелой нагайки придется на руки… Я неминуемо останусь калекой, а значит, умру с голоду.

Вот только удара не последовало. Более того, мир вокруг вдруг затих, замер, как будто исчезло все: и уютный обеденный зал гостевого дома, и здешний хозяин, и немногочисленные в это время посетители. Я рискнула приподнять голову и взглянуть на своего палача. Выглядел он неважно: лицо посерело и пошло лихорадочными красными пятнами, а в глазах плескался ужас, причиной которого была, конечно, не я, а неожиданно прервавший расправу незнакомец.

---

[1] Здесь и далее, значение слов, выделенных **жирным шрифтом**, можно найти в Глоссарии.

Чужак без видимого усилия удерживал за запястье занесенную для удара руку декатора, которая стремительно синела, и лоснящаяся рукоять нагайки уже едва держалась в ослабевших пальцах.

Невольно я засмотрелась на незнакомца – он был высок и широкоплеч, сложение настоящего воина. Одет дорого, но практично и неброско: добротные штаны, великолепные блестящие сапоги, темно-серая туника до середины бедра, опоясанная широким плетеным ремнем, сверху – долгополый жилет и заколотый вычурной фибулой плащ, полы которого откинуты за плечи. На боку – короткий меч в ножнах.

Худое лицо мужчины трудно было назвать красивым, но оно явно выдавало аристократическую породу и привлекало внимание, особенно в сочетании с золотисто-русыми волосами, мягкими локонами спадавшими на плечи. Локоны эти больше подошли бы какой-то очаровательной юной барышне, но высказываться на эту тему, а паче того шутить, язык не повернулся бы.

В пришлом было столько Железа, что окружающие волей-неволей втягивали головы в плечи и сгибали спины для поклона: над подобными людьми никогда не смеются, даже в самых нелепых обстоятельствах.

На меня нежданный спаситель смотрел со спокойным задумчивым интересом, без обычной для вельмож снисходительности и спеси, чем сразу расположил к себе. Поймав мой взгляд, мужчина чуть улыбнулся и приветливо кивнул.

Улыбка ему решительно шла, от нее холодные серо-стальные глаза заметно теплели. Решив, что человек с такой улыбкой, да еще проявивший ко мне неожиданную заботу, плохим не может быть по определению, я неуверенно улыбнулась в ответ и позволила себе немного расслабиться, расправив плечи и разогнувшись.

В этот момент молодой спутник незнакомца, одетый гораздо богаче, вежливо тронул его за плечо, привлекая внимание, и кивнул на онемевшего от ужаса декатора. Русоволосый бросил на моего мучителя рассеянный взгляд, будто только теперь вспомнил о его существовании, и разжал ладонь. Нагайка с глухим стуком, заставившим меня вздрогнуть, ударилась об пол, а декатор согнулся в поклоне, поскуливая от боли, лелея изувеченную руку и бормоча что-то подобострастное.

– Как тебя зовут? – спросил незнакомец, протягивая мне ладонь, чтобы помочь подняться, а я… Повела себя очень глупо. Замерла с протянутой в ответ рукой, едва не открыв рот от удивления, и уставилась на мужчину с восхищением, которое, подозреваю, слишком откровенно читалось в моем взгляде.

Голос у спасителя оказался изумительный – сильный, густой, сочный баритон, от звука которого по спине пробегали мурашки. Я никогда не слышала подобного тембра, но уже знала: готова слушать этого мужчину бесконечно.

Так и не дождавшись ответа, обладатель чудесного голо-

са усмехнулся уже вполне явственно, нагнулся и, аккуратно подхватив меня под локти, поставил на ноги. На мгновение меня окутал резкий запах дороги – сырого ветра, пыли, конского и человеческого пота – и очарование чужака немного ослабело. Я будто очнулась, обнаружив рядом с собой обычного человека из плоти и крови, а не божественное видение.

– Как твое имя, девочка? – повторил он, но на этот раз я уже знала, чего ждать, и не поддалась колдовству его голоса.

– Рина Пыль Дорог, господин, – тихо ответила, вежливо склонив голову.

– Рина – это ласточка? – чужак вопросительно изогнул бровь, чему-то улыбаясь.

Я только кивнула в ответ.

Все наши имена – это слова старого языка, на котором боги дали названия вещам. Немногие сейчас помнили этот язык, но мой благородный спаситель, кажется, был исключительно образован. Впрочем, одного взгляда на него хватало, чтобы понять: этот господин бесконечно далек от обыденности. Может быть, он самый неординарный человек из всех, кого я когда-либо встречала.

Эта мысль вызвала почти восторг и непонятное щемящее чувство.

– Айрик Пыль Дорог – твой родственник? – спросил тем временем чужак.

– Он мой отец, господин, – ответила я честно, разглядывая незнакомца уже с большим интересом. Несмотря на за-

пах дороги, он совсем не походил на простого путника, который мог бы знать и, главное, помнить о старом барде. Тогда откуда?..

– Ты поздний ребенок или приемыш? – продолжил допытываться мой спаситель.

Мне очень не хотелось отвечать на вопросы о покойных родителях, да еще на глазах зевак, но вельможу подобные мелочи, похоже, совсем не волновали, а я не рискнула перечить.

– Родная дочь, господин, – проговорила я и, понукаемая его пристальным вопросительным взглядом, требующим подробностей, принялась пересказывать свою короткую несложную историю: – Ради мамы отец оставил путь, но, когда та умерла, дорога вновь позвала его. Он пытался учить меня, но боги отпустили мне не так много таланта, как хотелось бы сильному **дану**. Мне девятнадцать, у меня только третья **ступень,** и подняться выше я смогу, при всем своем старании, всего на пару. Несколько лет назад **Держащий-за-Руку** увел отца на **Железные облака,** и мне дали приют добрые люди, хозяева этого гостевого дома.

– Поедешь со мной в столицу, Рина Пыль Дорог? – неожиданно спросил вельможа, чуть склонив голову к плечу. – Айрик был великолепным бардом, но его талант имел лишь одну яркую грань. Если мне не изменяет память, он помогал выбрать верный путь и почти ничего не умел сверх этого. Редкий, ценный дар, но хороший наставник должен уметь

настраивать души. Я думаю, при должном обучении ты сумеешь подняться выше пятой ступени. Может быть, до седьмой или даже до восьмой.

– Зачем вам это? – потрясенно спросила я.

Песни-чары отца действительно помогали слушателям принимать важные и, что особенно ценно, верные решения, за что его и любили. Он видел во мне слабые отголоски того же таланта и пытался его развивать, но получалось слабо, да и отец не был хорошим учителем. Осознавая это, Айрик намеревался отправить меня на обучение по достижении нужного возраста, но, увы, не дожил до него, скончавшись в небольшой комнатушке на втором этаже тихого гостевого дома под названием «Большая крыша».

Незнакомец же говорил очень странные слова, проявлял поразительную для случайного прохожего осведомленность, и потому я таращилась на него с все возрастающим опасением. Если спаситель обещает мне седьмую ступень, значит, разглядел что-то еще, кроме слабеньких способностей искателя дорог. Но уверенно говорить о таком может только человек с сильной Искрой, что к моему собеседнику явно не относится. Весь вид его говорил, что передо мной – человек Железа до кончиков волос, и металла в нем больше, чем в ком-либо, встречавшемся мне на пути. Я сроду никогда не слышала, будто эти любимцы **Идущей-с-Облаками** обладают талантом читать в душах!

Да и слишком уж лестное предложение, сложно не заподо-

зрить подвоха. Фантазия сразу нарисовала множество нехороших и страшных картин, стоило мне представить, для каких целей этому сильному высокому мужчине могла бы понадобиться наивная девочка вроде меня.

– Я так хочу. Мне интересно, – спокойно ответил незнакомец, продолжая внимательно меня разглядывать. – Не бойся, не обману и не обижу. И другие не посмеют. Слово, – веско произнес он и, пока я пыталась придумать, как на все это реагировать, спокойно достал из ножен на боку длинный, устрашающего вида кинжал и чиркнул им по своему запястью, подтверждая клятву кровью.

Мне показалось – а может, и не показалось вовсе? – что порез в тусклом свете блеснул металлом.

Все это до нелепости походило на воплощение сказки, девичьей мечты: прекрасный герой, спасающий от страшного чудовища и увозящий на белом скакуне в закат. Настолько дико, что поверить в реальность происходящего просто не получалось, хотя моих слабых способностей вполне хватало, чтобы убедиться в подлинности клятвы, которую действительно приняли боги.

Я уже открыла рот, чтобы как-нибудь особенно нелестно высказаться о чудаковатости некоторых путников, но в этот момент взгляд зацепился за маячившего неподалеку декатора, и мне будто плеснули холодной воды за шиворот. На меня офицер сейчас не смотрел, он вообще был полностью поглощен своей болью и бедой, но… Я слишком давно знала

этого человека, чтобы понимать: не спустит. Не того, что я избежала удара, а публичного унижения. И в следующий раз не просто приголубит в сердцах нагайкой, а осознанно забьет до смерти. Причем, боюсь, отнюдь не сразу: зная этого негодяя, в его грязных намерениях можно было не сомневаться.

– Я согласна, господин, – проговорила я тихо, опуская взгляд.

Не могу сказать, что я всерьез поверила этой клятве и прониклась доверием к незнакомому мужчине, который мог одной рукой сломать мне шею. При желании обещание это можно было толковать как угодно: кто знает, что чужак подразумевает под обидой и в чем именно не собирается обманывать? Я все-таки не ребенок, выросла в дороге и при трактире, видала в своей жизни многое и еще больше слышала от отца и постояльцев. Клятва звучала веско, но даже я смогла бы при желании найти в ней лазейку.

Вот только сейчас, на расстоянии удара нагайки декатора, я была готова на что угодно, лишь бы избежать расправы. Потому что остаться значило подписать себе смертный приговор.

А рядом с этим незнакомцем еще были возможны варианты.

Вельможа по-прежнему не вызывал во мне страха, а чутью я привыкла доверять. В конце концов, с меня-то он никаких клятв не требовал и никакими обязательствами не связывал – значит, ничто не помешает мне сбежать при малей-

шей угрозе.

Да к тому же путник был слишком спокоен и серьезен, а мне так хотелось поверить в правдивость его слов!

– Эта девочка – под моей рукой! – повысив голос, объявил присутствующим мой спаситель и добавил столь же спокойно и веско, долгим тяжелым взглядом смерив декатора: – Если кто-то посмеет хотя бы косо посмотреть в ее сторону – умрет.

Офицер затрясся и мелко закивал, хотя мне все равно не верилось, что этот человек послушается приказа какого-то незнакомца.

– Спой нам, бард, – буднично обратился ко мне вельможа, после чего развернулся и двинулся к большому столу в углу, где уже успели расположиться его спутники.

Своего имени он так и не назвал, но напоминать об этом я не стала. Гораздо разумней выяснить все самостоятельно, чем указывать высокородному на его оплошность.

А еще я запоздало огляделась и поняла, что окружающие смотрят на моего спасителя с благоговением и страхом гораздо большими, чем этого требует ситуация. Да и власть незнакомца, и его право вот так на ровном месте грозить окружающим смертью не вызвали ни у кого сомнений. Похоже, одна я не догадывалась, чья рука отвела удар, а для большинства присутствующих имя путника не было секретом.

Кто же он такой? Может, потому и не назвался, что не ожидал от меня такой неосведомленности?

Подобрав со своего стула в углу инструмент, я подошла к гостям.

– Что желает услышать господин? – спросила, украдкой разглядывая сидящих за столом спутников моего спасителя.

Их было восемь. Шестеро крепких мужчин в потертой дорожной одежде, явно охрана, богато одетый тип, который попросил сероглазого выпустить декатора, и еще одна непонятная фигура, с головой закутанная в плащ. Под капюшоном клубилась тьма, скрывавшая лицо, а руки явно принадлежали старику, но утверждать это наверняка я не могла: человека так плотно окутывали иллюзии, что не было шансов разобраться, где их начало, а где конец.

– Ты же бард, выбери то, что считаешь нужным, – улыбнулся вельможа.

– Вы хотите слышать голос или Искру? – после пережитого потрясения мне совсем не хотелось петь и уж тем более открываться для мира и сидящих за столом, чтобы подобрать *нужную* песню, но говорить об этом и спорить с желанием незнакомца не стоило. Я всерьез обязана ему, и пение – меньшее, чем можно отблагодарить.

– И то, и другое, – со смешком ответил за него богато одетый мужчина, бросив на моего спасителя непонятный взгляд.

Тот кивнул, и я осторожно присела на табурет, стоявший у торца стола. Мужчины предпочли устроиться на лавках вдоль, а напротив меня оказался загадочный тип в плаще.

Я глубоко вздохнула и медленно кивнула, скорее своим мыслям, чем ему в ответ. Прикрыла глаза, устраивая на бедре старую, еще отцовскую лиру, легонько приласкала струны.

Послушаем, что скажет мир. Если, конечно, он пожелает со мной сейчас откровенничать…

Бардов часто считают ветреными, непостоянными. Может, зачастую все именно так и выглядит, но такому поведению есть объяснение. Мы слышим мир и подхватываем его настроение, а мир изменчив. Приходят и уходят путники, дни сменяют ночи, и вместе с этим меняемся мы. Меняемся только на поверхности, в глубине остаемся прежними, но кто способен заглянуть в эту глубину?

Мир отозвался. Сверкнула Искра. Заговорила лира. Запела я.

Сегодня мир – тот маленький клочок, что состоял из обеденного зала и людей в нем, – думал о дороге. Не той, что начиналась за дверью и которую топтали копыта лошадей, а той, которую мы никогда не замечаем. Каждое слово, каждая мысль и тем более поступок – это новый шаг по той дороге, новый поворот на извилистой тропе, новое распутье в бесконечном лабиринте. Неповторимая дорога жизни, рисунок пути по которой определяется нашим выбором.

В придорожных гостевых домах часто об этом думается. И постояльцам, и хозяевам, и самим домам.

Хоть вельможа и желал услышать мою Искру, прибегать

к ней я не стала. Лишь совсем чуть-чуть, успокаивая окружающих и настраивая их на более мирный лад: после произошедшей сцены всем ее свидетелям и участникам стоило отвлечься.

Барды – это, пожалуй, самые «чистые», подлинные из данов, как на старом языке называли людей Искры. Музыка барда – отражение желаний мира и настроения слушателя. Видя их и используя данную богами Искру, мы можем воздействовать на людей. Менять настроение, влиять на здоровье, даже исправлять судьбу, подталкивая слушателей на верный путь. С одним ограничением: бард не может навредить. Нет, возможность такая есть, но Искра этого не выдерживает и гаснет, а следом за ней, как правило, погибает и опустевший сосуд.

На заре времен, когда Обжигающий Глину создал мир и населил его людьми, сам мир показался создателю прекрасным, а вот люди разочаровали. Они должны были стать чем-то особенным, венцом и украшением его работы, но оказались скучны и обычны. И тогда бог обратился к своим сородичам за помощью.

Искру людям подарил **Немой-с-Лирой** – бог, считающийся теперь покровителем искусств. Откликнулась и Идущая-с-Облаками, которая дала смертным Железо – кровь и силу земли, дарующую возможность изменять мир, не слушая его желаний. Возможность не только созидать, но и разрушать. И это закономерно: настоящее искусство способно

нести лишь благо, а жизнь слепа, равнодушна и одинаково оделяет всем, что подвернется под руку.

Малые толики Железа, как основы жизни и Искры, как основы души, есть в каждом человеке, но когда чего-то одного заметно больше – получается дан или **фир**. Именно поэтому дан никогда не сумеет управлять Железом, а фиры не имеют силы настоящей Искры.

Я пела долго и с облегчением чувствовала, как из людей по капле выходят напряжение и страх. Зазвучали голоса, замелькали улыбки, засновали между столов хозяйские дочери – три сестры, молоденькие и хорошенькие, выполняли в этом семейном заведении работу подавальщиц. И, что уж там скрывать, они были приманками для гостей: смешливые, бойкие, одним своим видом внушающие мужчинам желание заглянуть сюда еще раз. Дурного себе с хозяйскими дочками никто из постоянных гостей, ясное дело, не позволял, приходили больше поглазеть и поговорить. А на тех, кому вино застило разум, мог повлиять младший брат хозяина – тихий дурачок, разумом навсегда застрявший в детстве, но зато наделенный воловьей силой, который на вытянутых руках выносил буянов за дверь и аккуратно усаживал в широкую лужу сбоку от дома, в которой резвились хозяйские хрюшки.

Закончила я по повелительному жесту вельможи, который проявил вежливость и прервал меня, только дождавшись паузы.

– Я рад, что не ошибся в тебе, бард Рина. Будь готова на

рассвете. Провиант, постель и прочее с собой не бери, только дорогие тебе личные вещи и смену одежды: ровно столько, чтобы хватило добраться до столицы.

Я только покладисто кивнула, не загружая спасителя лишними подробностями. У меня всего имущества и было – несколько отцовских книг, лира да немного одежды. Деньги, которые хозяин гостевого дома исправно платил за игру, я старательно копила, надеясь через несколько лет собрать достаточную сумму, чтобы перебраться в город и продолжить обучение. Нужно отдать хозяину должное, был он со мной честен и не обижал. Давал столько же, сколько давал бы любому барду, за вычетом достаточно скромной суммы за постой и еду.

Перед декатором вот только не вступился, но за это я не могла его винить: во-первых, я ему не дочь, а во-вторых, я действительно сама нарвалась. Ничего не могла с собой поделать – над пьяными выходками этого типа каждый раз потешался весь город, а я слишком чутко в этот раз отнеслась к настрою посетителей, вот и спела о том, как «один сильный животом воин на коленях признавался в любви лошади, и даром бы кобыле – жеребцу». Случилось это вчера, на глазах половины **декаты**, а сегодня стало любимой темой для разговоров и причиной (или только поводом?), по которой один из благородных горожан отказал декатору от дома. Все бы ничего, но на дочку горожанина офицер имел виды, так что сегодня он пребывал в отвратительном настроении.

Мне стоило бы придержать язык, но вдохновение – капризная штука, и воспротивиться миру в тот момент я не сумела: этому тоже нужно учиться.

Следуя примеру своего господина, остальные его спутники разом поднялись из-за стола и, провожаемые одной из девушек, отправились в заднюю часть дома, где находились гостевые комнаты.

Стоило тихо шуршащей занавеске из крупных деревянных бусин, нанизанных на прочные нити, сомкнуться за спинами гостей, как ко мне, воровато оглядевшись, подошел хозяин заведения, Лат Большая Крыша. Он следил за порядком в зале, занимал страждущих разговорами, подливал печальным вина – в общем, исправно исполнял свои обязанности.

Прозвищем этим мужчина очень гордился. Второе имя дети берут от родителей, жены, при желании – от мужей, а получить свое собственное, да еще уважительное, совсем не просто. Его нужно в прямом смысле слова добиться, заслужить, и тот факт, что Лата давно уже зовут в честь его любимого детища, означает признание окружающими – и этого детища, и самого мужчины.

– Рина, пойдем, тебя Арна зовет, – сказал он, сославшись на свою жену, ведавшую кухней.

Я послушно повиновалась, не расспрашивая по дороге, – тут идти два шага.

– Рина! – женщина явно меня ждала, потому что, завидев, всплеснула руками и порывисто прижала к широкой груди. –

Девочка, как ты?

– Все хорошо, – ободряюще улыбнулась я, всерьез удивленная таким проявлением беспокойства. – Меня спас наш гость.

– Я о нем и толкую! – проговорила она, пронзительно и тревожно глядя на меня снизу вверх.

Дородная и приземистая, Арна была ниже меня на голову и раза в три шире. И ведь родила же таких красивых и статных дочерей!

– Он был очень вежлив, – пожав плечами, ответила я, не понимая, что так встревожило хозяйку.

– Да ты знаешь ли, кто это был?! – почти возмущенно воскликнула она.

– Нет, он не назвался, – с долей смущения призналась я. – Я надеялась выяснить это позже…

– Ив Ярость Богов! – страшным шепотом оборвала меня женщина, оглянувшись на дверь и сотворив охранное знамение, будто вельможе делать нечего, кроме как подслушивать кухонные разговоры.

– Железный регент? – ахнула я. Почувствовав, что слабеют колени, медленно опустилась на оказавшийся поблизости стул. – Не может быть… Но как он здесь очутился? И зачем ему я?!

– Чего не знаю, того знать не хочу! – она тряхнула головой. – И ты не узнаешь! Вот что, девочка. Я собрала тебе еды, кое-что из вещей в дорогу, какие-то деньги. Бежать тебе на-

до! Здесь декатор жизни не даст, но мало ли городов. Ты девочка толковая, талантливая, не пропадешь, а я… – она продолжила причитать, рассуждая, куда и как мне лучше ехать, вспоминая каких-то знакомых мужа, к которым тот мог дать рекомендации.

Я же сидела, почти не слушая ее болтовни, и пыталась соотнести увиденное с услышанным.

Ив Ярость Богов являлся председателем регентского совета, первым регентом. Говорили, что кесарь, умирая, поставил на эту должность единственного, кому верил, как себе, и призвал в свидетели Идущую-с-Облаками, благоволившую этому воину. И когда страна вслед за юным наследником осиротела, никто не посмел сместить с должности Ива.

Что он вообще забыл так далеко от столицы буквально за луну до представления наследника народу?!

Впрочем, нет, это не мое дело, да и подумать стоило о другом.

Герой Пятилетней войны, человек, выигравший решающую битву при Тауре, Железный регент являлся легендой, но, увы, не только как воин. Он был той страшной сказкой, которой провинциальные родители пугают детей, главным образом подросших дочерей, мечтающих о красивой жизни, о любви, о столичных праздниках. О нем ходили страшные слухи, в особенности о его жестокости и презрении к женщинам.

Поговаривали, что он часто находит себе девушек для

развлечения, игрушек, которые потом бесследно пропадают. Собственно, именно этим матери и пугали дочерей, не знаю уж, насколько те верили страшилкам. Почему-то мне кажется, что не верили вовсе. Во всяком случае, если бы я была благородной юной особой, то, увидев Ива Ярость Богов, тоже ни за что не поверила бы в его жестокость.

Раньше я, как и все, опасалась его, но никогда всерьез не думала, что жизнь может столкнуть меня с подобным человеком. А вот теперь бояться не получалось вовсе. Железо может сделать человека твердым, грубым, жестоким, да. Фиры могут убивать, в самом плохом случае могут не испытывать жалости и не иметь совести, они могут быть очень страшными и опасными существами, но они не умеют притворяться и лгать. Может, не все, и слабейшие из них, говорят, способны достигнуть в этом искусстве редких высот. Но не человек, в котором железного едва ли не больше, чем человеческого. Такие прямолинейны, как клинки, и тверды в своем решении и слове, как скалы.

Так почему слухи столь откровенно противоречат реальности? Со мной этот человек был более чем добр и мягок, и в его опасность и жестокость совсем не верилось. Да и Искра тянулась к нему, как тянулась мало к кому. К тем, кто был не просто вежлив и приятен, но сильно помогал мне в жизни, – к Арне и Лату, к отцу. И я была почти уверена, что мне Железный регент не соврал. Да, опасение оставалось, боязно было сознавать, *с кем* довелось столкнуться, но отчетливый

суеверный страх так и не появился.

– Нет, Арна, – решила я. – Я не буду сбегать. Он заступился за меня и дал слово, я ему верю. К тому же он точно не желает мне зла.

– Глупая! – она вновь всплеснула руками. – Сейчас не хочет – назавтра передумает.

– Он дал слово!

– Пойми ты, он же безумец!

– Он кажется совершенно нормальным, – пробормотала я растерянно.

– Безумие – не бельмо, оно на лице не написано! – женщина качнула головой.

– Тогда откуда ты это знаешь? – скептически нахмурилась я в ответ.

– Ох, Рина! – хозяйка вновь медленно покачала головой, глядя на меня грустно и жалобно. – Не ходи ты с ним!

– Но это шанс найти учителя…

Она еще некоторое время уговаривала меня бежать, потом отчаялась и снабдила массой напутствий, десяток раз благословила и в конце даже всучила деньги. Не так много, чтобы я почувствовала сильную неловкость, но достаточно, чтобы это была не подачка, а именно помощь. Потом женщина разрыдалась, и мне пришлось успокаивать ее, благодарить и за прошлую доброту, и за сегодняшнюю. Я от всей души желала ей и ее семье самого доброго.

Потом мы долго еще вспоминали моего отца, Арна рас-

сказывала про свои немногочисленные поездки в **Вир**, столицу **Вираты** – нашей страны, чтобы хоть как-то подготовить меня к встрече с этим городом. А после я ушла в свою комнатку, чтобы собрать пожитки и спрятать деньги.

Возможно, я об этом пожалею и права окажется именно Арна с ее большим жизненным опытом и удивительной житейской мудростью, но сейчас я чувствовала, что поступаю верно. Мне казалось, что это не просто порыв, не совершенная под действием момента глупость, а проявление того дара, который достался мне от отца. Будто сам **Смотрящий-за-Дорогами** обратил ко мне свой лик и расстелил под ногами верный путь.

Глава 2
Встреча в пути

Рина Пыль Дорог

Умение просыпаться в нужный момент независимо от того, насколько сильно устал вчера, – одна из очень удобных и замечательных способностей каждого дана. Научиться такому может каждый, но нам для этого не приходится прилагать особых усилий, достаточно просто пожелать. Почему-то мир очень охотно выполняет эту просьбу. Наверное, ему нравится, когда люди бодрствуют, и Искры сияют во много раз ярче: отличить спящего дана или фира от обычного человека почти невозможно.

Вот и сейчас я поднялась с постели незадолго до рассвета, как раз чтобы успеть привести себя в порядок, перекусить на дорогу и проститься с местом, служившим мне домом несколько лет.

Когда я вышла в обеденный зал, с небольшой сумкой через плечо, одетая в дорожную одежду – узкие штаны, мягкие сапожки, рубашка и долгополый жилет до колен, – вчерашние постояльцы уже были там. И не только они. В помещении оказалось весьма людно: те, кто желает одолеть дорогу быстро, стараются не задерживаться на промежуточных остановках и проходить за день столько, сколько позволяет

выносливость лошадей.

Меня будущие попутчики встретили спокойно и почти равнодушно, только второй вельможа недовольно скривился. Может, ему не понравился мой наряд, но скорее он не одобрял самого моего появления в отряде, однако спорить с Железным регентом не рисковал. Во всяком случае, при посторонних.

Сам же Ив Ярость Богов поприветствовал меня искренней улыбкой и легким кивком.

Завтракали в молчании, только два воина негромко обсуждали что-то между собой.

Очень странные люди. Они явно познакомились не вчера, едут уже несколько дней, а стражи и вовсе несут службу вместе. Оба высокородных тоже наверняка знакомы давно. И совсем не похоже, что безымянный вельможа боится своего легендарного спутника, да и остальные поглядывают на Железного регента без страха. Тогда почему они почти не разговаривают? Опасаются посторонних ушей?

Я вновь задумалась, что же мог забыть в наших краях второй – после наследника – человек Вираты, да еще со столь малым отрядом? Они держат путь в столицу, на юг, а на севере от нашего городка я не припомню ничего примечательного, за несколько дней пути там можно встретить только мелкие деревушки, потом начинаются горы, где из жителей – лишь шахтеры и их семьи.

Через **Дален**, наш город, проходил **Дальний тракт**, но

если путники двигались по нему, то посещать это место им не было никакой надобности, они могли свернуть гораздо раньше и проехать по гораздо лучшей дороге: солидный отрезок пути от Далена на юг не отличается удобством, он проходит по достаточно глухим местам, и им пользуются в основном обозы, везущие добытую в горах руду. По этой причине при всей своей запущенности тракт достаточно безопасен, здешний наместник со всем тщанием следит за тем, чтобы разбойников на дороге не было.

Не похоже, что выбрали люди Железного регента этот путь за его относительную малолюдность. Чтобы не привлекать внимания, они должны были хоть немного замаскироваться, а я не думаю, что Ива Ярость Богов с первого взгляда узнали только здесь; наверняка и в остальных местах его не принимали за простого смертного.

Значит, они, скорее всего, двигаются с севера. И что же могло понадобиться этим людям в таких глухих местах?

Мой взгляд запнулся о странную фигуру в капюшоне, и я подумала, что этот странный незнакомец – единственное возможное объяснение, и дело наверняка именно в нем. Только какое именно дело?

Впрочем, я понимала, что никогда не задам этого вопроса вслух и не стану лезть не в свое дело. Отец часто повторял, что подтолкнуть человека на верную дорогу – его обязанность, а вот подглядывать за чужими путями – самая большая глупость. Надо будет – сами расскажут.

С едой мужчины управились быстро и вскоре почти все ушли во двор, остались только закутанная в плащ фигура и безымянный. Я едва не втянула голову в плечи, ожидая от него выражения недовольства моим присутствием в отряде, но вельможа не стал ругаться даже за спиной Железного регента. И, похоже, не из страха расплаты.

Неужто он и вправду настоящий аристократ, о каких путники болтали? Ну, из тех, что обходительны с каждым, будь то кесарь или последний золотарь, и не позволяют себе распускать руки или глядеть свысока на всех, кто ниже происхождением. Неужто такие бывают?

Пока я размышляла обо всем этом, вяло ковыряясь в омлете, человек в плаще поднялся и бесшумно двинулся к выходу; за ним направился и безымянный, на ходу коротко бросив мне:

– Не задерживайся.

Я только кивнула и, когда дверь за ними закрылась, отправилась прощаться с хозяевами гостевого дома.

Гостевой дом на самом краю Далена раскинулся вольготно. Сам город расположен чуть в стороне от тракта у берега реки, дорога цепляет только его окраину, и жителей это полностью устраивает: тишина, и нет вереницы телег, проходящих через сердце города. И Лата Большую Крышу это все тоже весьма радует, потому что земля на окраине куда дешевле той, что в центре.

Здесь все построено удобно, с размахом. Большой чи-

стый двор перед основательным главным зданием, окруженный крепкими хозяйственными постройками, солидные ворота на въезде, свой колодец с добротным оголовком. Широкий луг позади дома – тоже земля Лата. Клочок не очень большой, но зато лошадей постояльцев можно при желании пустить погулять. Желание такое возникает редко, но рачительность и предусмотрительность хозяина способствуют доброй славе «Большой крыши».

Во дворе уже было людно, ведь в путь собирался не только Ив Ярость Богов со спутниками, но и прочие постояльцы, потому мальчишки, помощники конюха, заполошно метались туда-сюда, то выводя лошадей к хозяевам, то прилаживая на конские спины поклажу, то выполняя какие-то другие указания своего придирчивого начальника.

В детстве, пока я путешествовала с отцом, это все казалось мне невероятным и невозможным: как конюхи умудряются одновременно заседлать столько лошадей и, главное, не попутать сбрую. А все оказалось до смешного просто: за каждой комнатой был закреплен свой денник, а у каждого денника имелась своя подставка под седло и свой крючок для узды.

Завидев меня, Железный регент приглашающе махнул рукой. Когда я приблизилась, самолично пристроил мои пожитки рядом с парой небольших сумок на крупе лошади и поощрительно кивнул. А я застыла в нерешительности, не зная, как сознаться в своих затруднениях.

Лошади у моих новоявленных попутчиков были крупные, рослые, не тонконогие нервные скакуны, а выносливые и надежные **сольчаки**. Животных этих я всегда любила и уважала, проблема была в другом: я так толком и не научилась ездить верхом. Но это полбеды, не думаю, что мы станем гнать во весь опор. Гораздо хуже, что стремя болталось на уровне моих плеч, и забраться в седло я не могла. В иной ситуации позвала бы кого-то из мальчишек, чтобы помогли, или вовсе притащила бы табуретку, но Железный регент стоял рядом, держал коня под уздцы и выжидающе смотрел на меня. А рядом с ним я откровенно робела и очень боялась сделать что-то неправильно.

Однако причину моих затруднений он угадал сам. Усмехнулся понимающе, собрал поводья на лошадиной холке и велел:

– Держи.

Когда я ухватилась одной рукой за них, а другой – за седло, Ив сложил руки в замок, подставил их мне и вновь коротко скомандовал:

– Колено.

На спину коня он закинул меня легко, без малейшего напряжения. Проверил подпруги, придержал стремена, пока я пыталась попасть в них носками сапог, причем действовал он при этом настолько спокойно и буднично, будто не происходило ничего необычного.

В общем-то, на самом деле не происходило, и вел он себя

именно так, как вел бы на его месте любой достаточно вежливый мужчина. Но – обычный мужчина! Не Железный регент! И поэтому мне сейчас казалось, что решительно все, кто находятся в этот момент во дворе, смотрят на нас с недоумением или даже с суеверным ужасом. Возможно, так и было, потому что взгляд второго вельможи я успела перехватить, и было в этом взгляде глубокое и искреннее изумление.

Похоже, для Железного регента подобная учтивость действительно была нехарактерна.

Я буквально закаменела в седле, ожидая, что сейчас разверзнется земля и случится нечто ужасное, но из этого состояния меня быстро вывел конь – он мотнул мордой и попытался вырвать из моих рук поводья. В этом он весьма преуспел, да так, что я едва не вылетела из седла. Пришлось поспешно брать себя в руки и отвлекаться от посторонних мыслей, хотя сделать это оказалось невероятно сложно.

Надо быть слепой, чтобы не заметить, что Ив Ярость Богов относится ко мне как-то по-особенному. На остальных он реагировал с равнодушной холодной вежливостью, обо мне же явно заботился. Даже искренне улыбался, и складывалось впечатление, что подобное выражение появляется на его лице нечасто. А неподдельное удивление его спутника окончательно отнимало у меня возможность отмахнуться от этой странности и заставляло искать объяснения.

Вероятность обмана и недобрых намерений со стороны Железного регента я отбросила сразу, и хотя мысль об этом

продолжала маячить где-то на краю сознания, она больше походила не на ожидание настоящей опасности, а на размышления из разряда «вдруг завтра начнется война?».

Во внезапную влюбленность с первого взгляда тоже не верилось. Причем совсем не из-за пропасти в общественном положении – ведь чего только не случается в мире! Да и внешность у меня такая, что впору благодарить богов: яркой удивительной красотой, которая приносит одни проблемы, я не блистаю, но при этом вполне миловидна и часто ловлю на себе заинтересованные мужские взгляды.

Все дело в том, что Ив не выглядел влюбленным, и я чувствовала, что ни в коей мере не интересую его как женщина – ни в опасном, ни в… хорошем смысле. Может, я не слишком искушена в любовных делах, но тут трудно перепутать. Отношение регента было каким-то… отеческим, покровительственным.

Поэтому я и задумалась об отце. Может, Айрик Пыль Дорог когда-то помог этому человеку с выбором пути? Когда тот еще был не Железным регентом, не героем, а просто юношей, щедро одаренным богами?

Впрочем, был ли отец намного старше этого человека? Я не знала, сколько лет было Айрику Пыли Дорог, но была уверена в одном: когда родилась я, он был уже немолод. Ив же выглядел на тридцать пять, но на посту регента он уже семнадцать лет, а война закончилась почти двадцать лет назад. Слабо верилось, что свои подвиги на войне он совершал, бу-

дучи совсем мальчишкой. Скорее всего, Ярость Богов просто выглядит моложе своих лет: даны и фиры часто живут дольше тех, кто лишен этой капли божественной силы.

Но и в то, что его хорошее отношение ко мне – лишь следствие долга перед отцом, пусть даже речь идет о долге жизни, тоже до конца не верилось. Ив не выполнял обязательства, он искренне хотел позаботиться обо мне – это чувствовалось. Словно отец был не просто его знакомым, но хорошим другом, словно меня саму этот мужчина когда-то давно нянчил на коленях.

Уж не на войне ли они встретились? Отец никогда не упоминал ничего подобного, но он вообще был скрытным человеком, не любил вспоминать дурного и потому ни за что не проговорился бы о своем участии в той кампании. Но это единственное внятное объяснение, которое я могла придумать. Говорят, война роднит тех, кто проходит ее плечом к плечу, куда сильнее крови…

– Значит, тебя зовут Рина и ты дана, бард, – заговорил безымянный, пристраивая коня бок о бок с моим.

Впереди, точно так же плечом к плечу, ехали Ив с молчаливым типом в плаще, а стражи рассредоточились вокруг. К седлам двоих были привязаны поводья заводных лошадей; видимо, одну из таких мне и уступили.

– Да, господин, – ровно ответила я.

– Райд, – он недовольно тряхнул головой. – Меня зовут Райд. Раз уж наш грозный и неприступный решил тебя удо-

черить, то пора начинать дружить с тобой.

Я с настороженностью покосилась на беспечно улыбающегося мужчину. Какой резкий переход от молчаливого неодобрения к предложению дружбы, пусть и полушутливому!

– Удочерить? – уточнила я настороженно. Согласна, определение это подходило к его отношению как нельзя лучше, но все равно звучало дико.

– Взять под крыло. Какая разница? – Райд пожал плечами.

– Мне кажется, вчера вы были иного мнения, – осторожно заметила я.

– Я вчера был никакого мнения и не верил, что он серьезно собрался взять тебя с собой, – собеседник возмущенно фыркнул. – И вообще, давай уж на «ты».

А я вдруг поняла, что он очень молод, старше меня, самое большее, лет на пять.

Как и Ив, он был светловолос и светлоглаз – истинный уроженец Вираты. В отличие от меня, получившей в наследство от отца беспокойную претскую кровь и черные кудри.

А еще Райд был хорош собой в куда большей степени, чем его старший товарищ. Не такие резкие, более изящные черты, живое обаяние, смешливые и теплые глаза, скорее голубые, чем серые. Надо думать, Райд заправский сердцеед.

Но я поймала себя на мысли, что Ив нравится мне гораздо больше. И дело даже не во внешности или ауре власти, которая скорее отталкивала. Было в Железном регенте что-

то, что не давало покоя и влекло, и именно это «что-то» выделяло его среди прочих. Не в романтическом смысле – я вообще не могла понять природы этой тяги.

– На гостевом дворе ты вел себя совсем иначе, – нахмурилась я, снова обратившись к Райду.

– Потому что велено было помалкивать и держать ухо востро, – он пожал плечами. – А здесь – кто услышит? Скажи, а ты-то почему согласилась поехать с нами? Неужто наш великий и ужасный приглянулся? – и Райд хитро подмигнул, а потом, перехватив мой настороженный и виноватый взгляд в сторону регента, насмешливо продолжил: – Ему плевать, не тушуйся.

– Плевать на что? – уточнила я, теряясь от странности поведения своих спутников. По-моему, тут не только у командира проблемы с головой…

– На все. И на симпатии, и на разговоры о его железной персоне. Ну, так что?

Я бросила еще один настороженный взгляд на Ива и честно ответила:

– Я хочу учиться. Да и житья мне в Далене не было бы после всего этого. Тот человек, декатор Диз, непременно убил бы меня, поэтому все равно пришлось бы уходить. Так чем плоха в этом смысле ваша компания?

– И что, не страшно? – полюбопытствовал собеседник.

– Страшновато. Но такие сильные фиры, как регент, не нарушают данного слова, не так ли?

– Обычно нет, но тут весьма сложная ситуация, – с заметным смущением проговорил Райд.

– То есть? – напряглась я.

– Ты же слышала, что у него мозги совсем заржавели? Так вот, это не слухи, поэтому не удивляйся, если вдруг окажешься свидетелем чего-то… этакого. С другой стороны, особого повода для паники нет, тебя вряд ли это как-то коснется, и тебе он, скорее всего, не навредит. Если, конечно, провоцировать не будешь. Просто мне немного не по себе от того, как он к тебе отнесся, сроду такого не бывало. А я за ним уже лет пять хожу.

– В каком смысле – ходишь?

– В прямом, как нянька. Чтобы он случайно кого-нибудь не прибил и не покалечил. Нет, так-то он достаточно умный и сдержанный тип, но с сумасшедшими, кто не совсем дурак, а вот вроде него, это часто случается. А что он порой опасен для окружающих и в припадке кого-нибудь калечит – так это мелочи, кто ему вообще перечить рискнет? – легко выболтал Райд.

Я покосилась на него и вновь растерянно глянула на Железного регента. Неужели его в самом деле не беспокоят подобные разговоры?

– Говорю же, ему плевать. Он на нас внимания не обращает, землю слушает, – вновь отмахнулся от моих волнений собеседник.

– И что, его не раздражает твое присутствие?

– Так он меня сам попросил, – рассмеялся Райд. – Чтобы одергивал по возможности, вот как вчера с этим твоим декатором, а то остался бы мужик без руки.

– А почему именно тебя? – опешила я. – Ты настолько сильный?

– Настолько сильный – это он, – мужчина кивнул на регента. – А я просто его не боюсь и заслуживаю доверия.

– За какие такие свершения?

– А вот это уже не твое дело, – доверительным тоном сообщил Райд.

Я только кивнула согласно. Не мое так не мое.

– Откуда вы едете – тоже не мое дело, насколько я понимаю?

– Верно. Главное не откуда, а куда. А едем мы в столицу.

На этом разговор как-то сам собой увял. Райд о чем-то задумался и временно потерял ко мне интерес. Судя по тому, как он поглядывал на странную фигуру в плаще, размышлял он как раз о том, о чем не хотел мне рассказывать.

– Как ты думаешь, зачем я могла ему понадобиться? – негромко спросила я, решив нарушить тишину, и в очередной раз покосилась на регента. – Что меня ждет в столице?

– Не волнуйся так, ничего особенного, – улыбнулся Райд. – Я же как-то выжил.

– А при чем тут ты?

– Хм. Как тебе объяснить… Ты же в курсе, что наш кесарь умер, когда наследнику не было и года? Последние дни

своей жизни он потратил на то, чтобы обезопасить жизнь своего ребенка и сделать все, чтобы сохранить страну и избежать предательства. Помимо неожиданного назначения на роль регента опасного безумца, он совершил еще один крайне необычный шаг: собрал во дворце со всех окрестностей уйму детей близкого наследнику возраста, невзирая на происхождение. В их число, по счастью, попали и представители самых неблагонадежных семейств. После чего кесарь попросил богов о помощи. Тем идея почему-то понравилась, и Идущая-с-Облаками лично огласила их волю. Мне все больше кажется, она согласилась на это только потому, что старшим поставили Ива: я уж не знаю, что у него за отношения с этой богиней, но она явно ему благоволит. Как бы то ни было, «дети кесаря» до совершеннолетия наследника под божественной защитой, и посмевшего посягнуть на кого-то из них настигнет кара: весь род его и род тех, кто будет в этом замешан, погибнет от мала до велика. Поверили, конечно, не все и не сразу, и кое-кого боги действительно проучили. В подробности вдаваться не буду, но расплата оказалась… мучительной. Детей кесаря невозможно узнать даже случайно, их лишили родовых имен и даже личные поменяли. И чары не работают – ни данов, ни фиров. Все дети сейчас ощущаются как родственники друг другу, но чужие – всем вокруг. А вот как определить истинного наследника, когда настанет срок возведения его на престол, богиня, по слухам, сообщила только нескольким людям. Насколько я понимаю,

все это должно происходить как-то очень зрелищно, чтобы никто не усомнился и не смог поднять волну, будто бы кесарь ненастоящий. Проверить-то никто не сможет, близких родственников у кесаря не осталось, сравнить не с кем. Наверное, Идущей-с-Облаками проще всего будет самой явиться и подтвердить все публично.

– Ты так говоришь, как будто общение с богами – это повседневная рутина, – тихо хмыкнула я.

– Кому как, – Райд развел руками. – Я не из любимчиков богини и лично с ней не знаком, о чем совершенно не жалею, а вот про Ива и кое-кого еще могу сказать уверенно: они точно разговаривали с Идущей.

– Ты сейчас по-прежнему говоришь серьезно? – я состроила скептическую гримасу. – Ты утверждаешь, что он сумасшедший, но при этом уверен, что он в самом деле общается с богами? Наяву?

– Так ведь не только он, – рассмеялся он. – Дети кесаря тоже порой удостаиваются ее внимания, и некоторые другие высокопоставленные люди, и храмы свои она регулярно навещает.

– Допустим, – не стала спорить я. Особенной набожности мне родители не привили, и ко всем подобным вопросам я относилась недоверчиво, а ругаться с Райдом из-за такой мелочи не хотелось. – Но на вопрос ты так и не ответил: при чем тут ты или я?

– Собственно, почти ответил. Так исторически сложи-

лось, что Верхний дворец постепенно превратился из обычного дворца в своеобразную школу. Наследника и его свиту надо было обучать, причем всех – на одинаковом уровне, как будущих правителей, не выделяя кого-то конкретного, иначе смысл маскировки отпадал.

– Но тогда получается, любой из этих… детей может занять место наследника. Они сами-то не передерутся?

– Не передерутся, не волнуйся, об этом тоже позаботились. Ты будешь слушать или будешь перебивать? Так вот, постепенно в Верхнем дворце собралось множество учителей. В некоторых из детей обнаружилась Искра, в других проявило себя Железо. Опекуны старались развивать таланты воспитанников, будь то способности художника, математика или прирожденного политика. Потом умер один из верных соратников покойного кесаря, оставив сиротами двоих детей при отсутствии достойного доверия опекуна, и Железный регент справедливо решил: где полсотни подростков, там и еще парочка не повредит. И так вышло, что первоначальный состав учеников со временем заметно расширился. Верхний дворец иногда дразнят «кесаревым приютом»: чаще всего туда попадают оставшиеся без опеки благородные или же очень одаренные дети из простых семей. У таких «усыновленных» тоже забирают вторые имена, что только облегчает общение. Мне кажется, когда наследник будет представлен народу и надобность в маскировке отпадет, на основе этой веселой компании создадут какое-нибудь учеб-

ное заведение. Но решать будет уже новый кесарь.

– А наследник сам уже знает, что он наследник?

– Если и знает, то не говорит.

На этом мы оставили тему политики, и Райд начал рассказывать о жизни в «кесаревом приюте», куда сам попал уже почти взрослым.

К списку его достоинств, вроде приятной наружности и общего обаяния, можно было добавить отлично подвешенный язык, так что через некоторое время я поймала себя на том, что окружающий мир меня уже мало заботит, гораздо интереснее слушать едущего рядом спутника.

Очень необычный характер для фира, а ведь Железа в нем явно в избытке…

– Сейчас! – вдруг прервал нашу болтовню резкий окрик Ива.

Отряд разом остановился и в одно мгновение преобразился.

Райд подобрался, вдруг совсем перестав походить на того обаятельного балагура, с которым я познакомилась утром. Он коротко рявкнул мне: «Держись!» – и поймал моего коня за поводья. Испуганно озираясь, я вцепилась обеими руками в длинную лошадиную гриву.

Стражи сбились плотной группой, окружая нас. Ив оказался впереди, за пределами этого круга. На мгновение повисла тишина, а потом земля вздрогнула. Еще раз, снова, а потом началось страшное: по земле поползли трещины, они

ширились и ветвились, отрезая нас от остального мира.

Скакуны испуганно заплясали, оглашая воздух тревожным ржанием. И если опытные наездники сумели удержать коней, то я вылетела из седла после первого же рывка, когда лошадь, сначала приподнявшись на дыбы, в следующее мгновение резко вскинула крупом, ударив задними ногами воздух. Хуже того, своими действиями она заставила других скакунов отшатнуться, и я беспрепятственно пролетела вперед. От удара вышибло дух, я прокатилась по пыльной земле, а потом под рукой не оказалось опоры. Сердце заледенело от страха, но, к счастью, я замерла на самом краю трещины. Заставив себя открыть глаза, я увидела тьму, в которой мне почудились огненные сполохи: казалось, что провалы эти уходят до самого чрева земли.

Отползти я не успела, и вообще ничего не успела предпринять. Как котенка, меня вздернули за шкирку и поставили на ноги.

– Встань за моей спиной и держись, – велел Ив, бросив на меня суровый взгляд.

Ровный холодный голос, совсем не похожий на мягкий вкрадчивый баритон, мертвые пустые глаза без зрачка – полированное железо. Вопросы и возражения застряли в горле, и я поспешила выполнить приказ.

Мир вновь на несколько мгновений замер. Кроме трещин, не случилось ничего страшного, да и те выглядели не настолько пугающими, как мне почудилось с первого взгляда:

они оказались не слишком широкими, при желании можно было бы их даже перешагнуть.

– Силен, – раздался спереди насмешливый голос. – А если так?

Я выглянула из-за локтя Ива и успела различить несколько мужских фигур, а потом началась маленькая пылевая буря. Грязно-серая взвесь поднялась в воздух, смерчем закружилась вокруг нас, издавая странное хищное гудение. Позади негромко выругался кто-то из солдат, а впереди послышался дробный грохот, после – несколько испуганных болезненных вскриков и чуть приглушенный ветром, но весьма отчетливый влажный звук удара, какой издает мясо под молотком отбивающей его хозяйки. Я вздрогнула, рефлекторно прижалась к спине Ива и на всякий случай зажмурилась.

Свист стих. Регент шевельнулся, намереваясь обернуться, а я поспешила разжать руки и отстраниться, чтобы не мешать.

А потом мой взгляд уцепился за его правую руку.

От плеча плоть и одежда переходили в… отливку из металла. Тускло-серебристого на плече, но постепенно краснеющего к кончикам пальцев, которые были уже ярко-оранжевыми, будто раскаленными. Они на глазах тускнели, остывая, и одновременно граница металла и плоти медленно сползала вниз.

Но так ведь не бывает, верно? Железо слишком тяжелое, а от докрасна нагретого металла должен исходить сильный

жар…

– Испугалась? – неожиданно мягко спросил регент, кончиками пальцев другой, вполне человеческой руки приподнимая мое лицо, чтобы заглянуть в глаза.

Я ожидала опять увидеть два металлических бельма и вздрогнула, встретившись с вполне обычным участливым взглядом.

– Да, – не стала лукавить я. – Что это было?

– То, чего мы ожидали. Ловушка. – Ив спокойно пожал плечами и чуть улыбнулся. – Не бойся, я ведь обещал тебя защитить. Пойдем, не стоит здесь задерживаться, – он развернул меня и легонько подтолкнул в сторону успокоившихся лошадей.

Оказавшись в седле, я бросила взгляд вперед, на дорогу, заранее борясь с подступающей тошнотой, но все, что увидела, была большая вытянутая груда камней, которой, очевидно, и накрыло нападавших. И груда эта медленно погружалась в землю.

Когда мы проезжали мимо, оказалось, что очертаниями завал поразительно напоминает человеческую ладонь, и от этой мысли нехорошо засосало под ложечкой.

О способностях фиров я знала не так много. Они умеют управлять земной твердью, всем неживым, что есть под солнцем, но и только. Они могут создавать очень полезные вещи, например дома или ювелирные украшения, недавно был изобретен водопровод… Они способны убивать, но вот

как именно – я никогда не интересовалась. Похоже, сейчас мне как раз довелось увидеть один из способов.

– Райд, что это было? – негромко спросила я своего спутника, когда место битвы осталось позади.

Дорога сейчас была пустынна, и за весь день нам встретились конник да телега: для торговли не сезон, руду тоже не каждый день возят.

– Небольшая потасовка, – пожал плечами он и участливо спросил: – Испугалась? Напрасно. Я вообще не представляю, как можно надеяться одолеть нашего регента силой.

– А те, кто нападал, представляют?

– Хм. Видишь ли, про Ива ходят всяческие слухи, только серьезных войн у нас с Пятилетней не случалось, а то, что было тогда, уже подзабылось. Никто просто не знает, *насколько* он силен на самом деле. А мелкие стычки вроде этой… живых свидетелей нет, поди разбери, что там на самом деле случилось!

– А мы? Не живые свидетели? Или… живые только временно? – продолжила я расспросы. Не то чтобы я всерьез боялась, но смолчать не могла.

– Мы-то свои, а ты… – он запнулся, окинул меня оценивающим взглядом. – А его отношения к тебе я не понимаю. Ладно бы просто подобрал, он так порой делает, вечно из поездок по стране кого-то привозит, так вот и со мной было. Но ты его чем-то зацепила, очень зацепила. Извини, ничего личного, но мне это не нравится. До представления на-

следника осталось всего ничего, время весьма напряженное, а наш холодный и несгибаемый вдруг решил обрести слабое место и демонстративно притащить его во дворец.

– Слабое место? – растерянно переспросила я. – Почему ты так решил? Мне кажется, он просто проявляет заботу. Полагаю, он знал моего отца и за что-то ему благодарен, поэтому… – под задумчивым взглядом Райда я осеклась.

– Я очень редко могу предсказать его поступки, но растолковать уже совершенные обычно получается. Так вот, я не знаю, что у него произошло с твоим отцом, но то, как он себя ведет, это не благодарность и не возврат старого долга другу, пусть даже этот друг – лучший из всех, какие были. О тебе он заботится, как *нормальный* человек о небезразличной ему особе, например о близкой родственнице или хорошем друге. За те десять лет, которые я его знаю, он ни разу не проявлял таких эмоций. Нет, я не могу сказать, что у него вообще с эмоциями проблемы: он и радоваться, и огорчаться умеет, даже подшутить при случае способен. Проблемы в силе эмоций, чувств, в их степени и проявлении. Он правда железный, во всех смыслах. А тут… Наглядный пример: когда ты упала с лошади, он тут же, не думая, бросился тебя защищать, теряя концентрацию и драгоценные мгновения. В другой ситуации он бы и не шевельнулся, потому что объективная опасность тебе в тот момент не грозила, никто бы тебя не убил. Но он решил защитить тебя не только от врагов, но и от твоего страха. Эта опека выбивается из всех

его предыдущих поступков, и в нынешних обстоятельствах она более чем неразумна. Ты – отличный рычаг давления на него. Как думаешь, если это понял я, могут не заметить этого те, кто давно точат зубы на Ива? Да и сам он не может не понимать, уж всяко регент умнее и опытнее меня.

– Но… почему?! – изумилась я. – Зачем я ему, если это может быть опасно?

– Говорю же, понятия не имею, – устало отозвался Райд. – Я спрашивал, но он отказался обсуждать эту тему, а настаивать я не могу. Единственное, что приходит в голову, – он намерен использовать тебя как живца. Это хоть как-то укладывается в логику.

– И что делать? – пробормотала я совсем уж обреченно.

– Вот чего точно не стоит делать, так это пытаться сбежать, – Райд качнул головой. – Он разозлится, а злить Железного регента… Поверь мне, есть множество менее мучительных способов свести счеты с жизнью. Предлагаю успокоиться и внимательнее глядеть по сторонам. Он никогда не нарушает слова, и, если обязался тебя защищать, ему можно верить – защитит от чего угодно. Кроме себя, конечно, но тут тоже нетрудно уберечься. Главное – не лезть под руку и не злить. Это довольно легко: я, например, до сих пор жив, а ведь почти постоянно нахожусь с ним рядом.

– А тебе-то это все зачем? Почему ты согласился на это? Какое удовольствие ходить за безумцем? – спросила я мрачно.

– Ты ведь не отстанешь, да? – иронично улыбнулся он. – А если откажусь отвечать, придумаешь какую-нибудь глупость сама. Ох, уж мне эти женщины! Ладно, слушай душещипательную историю. Когда мне исполнилось четырнадцать, умер отец, и мы с матерью остались вдвоем. Имение наше было небольшое, находилось в глуши, на побережье – тихий райский уголок. Потом туда явился двоюродный брат отца, которого мы прежде в глаза не видели. Мать всегда была слабой женщиной, а я… я тогда был избалованным и слишком залюбленным маминым сынком, в придачу ко всему еще и трусливым. Помощи нам с матерью ждать было неоткуда, нахальства родственничку оказалось не занимать, поэтому вскоре он уже заправлял всем в имении. Через полгода умерла мать. Не думаю, что он приложил к этому руку: матери он сторонился, да и вообще, кажется, боялся женщин. Сейчас-то уже трудно выяснить доподлинно, но мне думается, это был один из симптомов его душевной болезни. Так что к безумцам я вполне привычен, не впервой, – с кривоватой усмешкой закончил Райд.

– И что случилось потом? – тихо спросила я, потому что собеседник умолк, задумавшись.

– Я убил его, – спокойно сообщил Райд. Вдосталь налюбовавшись смесью изумления, недоверия и опасения на моем лице, с улыбкой продолжил: – Это была самооборона. Понимаешь, вскоре после смерти матери выяснилось, что женщинам мой дядя предпочитал смазливых мальчиков. А

я был очень смазливым мальчиком. Еще более смазливым, чем сейчас. Намеков я не понимал, а когда ему надоело ходить вокруг да около и он попытался реализовать свои желания, не спрашивая на то моего согласия, вдруг выяснилось, что во мне очень много Железа. Не знаю, почему дар спал до этого момента, ведь обычно он пробуждается в раннем детстве, но лучше поздно, чем никогда. Опознали родственничка тогда по остаткам одежды. В общем, не знаю, как сложилась бы моя судьба, если бы в этот момент в ближайшем городе, куда меня привезли для дознания, не оказалось Железного регента. С ним я оттуда и уехал.

– А почему он именно тебе доверил роль… няньки? Не потому же, что…

– Нет, у него другие проблемы с головой, – рассмеялся Райд. – Ив предпочитает женщин, и только женщин, и я, кстати, тоже.

– Извини, – смутилась я. – Я не должна была…

– Да ладно, десять лет назад я, конечно, на такое предположение отреагировал бы очень нервно, но с тех пор серьезно повзрослел и, не побоюсь этого слова, поумнел. Но я свои вкусы с радостью докажу на практике, ты хорошенькая, – широко улыбнулся он, а я только неодобрительно фыркнула в ответ.

Хорошо, что он просто дурачился и подтрунивал. Боги знают, какие неприятности ждали бы меня, прояви Райд подлинный интерес.

– Что до твоего вопроса, тут все как в романе: Ив уверен, что именно он мой отец, – продолжил Райд. – Он гостил до войны в нашем имении, знавал мою матушку, а отец как раз находился в отъезде – идеальная ситуация. Учитывая, что тогда Ярость Богов был весьма заядлым сердцеедом, вполне возможно, что я действительно плод его ветреной любви. К тому же Ив утверждает, будто чувствует во мне родную кровь, и аргументов против этого у меня нет, я-то таким чутьем не наделен. Да и родители мои были простыми людьми, лишенными дара, что косвенно подтверждает правоту регента. Искра и Железо не всегда передаются по наследству, но очень и очень часто.

– Разве не все фиры слышат голос крови? – спросила я.

Высказываться о возможном отцовстве Железного регента и давать оценку возможной неверности матери Райда не хотелось, как не хотелось критиковать самого высокородного, так спокойно принимающего подобное обвинение в ее адрес.

А еще очень не хотелось думать о дяде Райда и мерзких, неприглядных вещах, которые существуют где-то совсем рядом, за пределами крошечной норки, в которой любой человек, и я в том числе, норовит спрятаться от всех гадостей и ужасов. Одно дело слушать россказни пьяных гуляк, и совсем другое – разговаривать с очевидцем…

– Нет, что ты. Просто Ив… Он уникален, по-настоящему. Он даже дар видит, причем не только фиров, но и данов. Не

так, как ваши читающие в душах, но прочие люди Железа вообще такого не умеют.

Мы некоторое время молчали, а потом я решила вернуться к первому своему вопросу.

– И все-таки что это было? Ну, только что… кто напал на нас?

– По порядку рассказывать? Сначала нападающие попытались расколоть землю и нас в ней оставить. Это не так уж трудно и весьма эффективно, хотя требует некоторой подготовки. Но Ив всю дорогу был очень внимателен и заметил ловушку заранее. Потом было «лезвие ветра», как патетично назвал эту дрянь человек, ее придумавший: множество тонких, с волос, железных нитей, которые превращают жертву в кровавую кашу. Мерзкая и сильная штука, очень подлая, от нее сложно защититься. А наш великий и ужасный не стал красоваться и изящно прихлопнул всех врагов, призвав сына земли. Это такая каменная громадина, смутно похожая на человека, она обычно используется при штурме защищенных стен. Почему он поступил с ними именно так, не воспользовавшись чем-то попроще, надо спрашивать самого Ива. Я в его планах разобраться не способен.

– Действительно, понять регента очень сложно, – я тоскливо вздохнула.

– Да не переживай ты, все обойдется. Говорю же, он псих, но очень умный псих, – со смешком успокоил меня Райд.

Сомнительное, однако, утешение.

Кажется, Смотрящий-за-Дорогами решил знатно позабавиться, наблюдая за мной. Я по-прежнему ощущала, что путь, которым я иду, верный, но теперь отчетливо понимала, что легким он не будет. И вовсе не из-за препятствий вроде этого нападения или возможных интриг Железного регента, в которых мне отведено вполне определенное место. Просто меняться всегда тяжело, а я сейчас очень отчетливо осознала, что на этом пути мне предстоит измениться.

Надеюсь, что я хотя бы останусь в своем уме. Ладно Ярость Богов, к его ненормальности я была готова, но ведь и Райд кажется не совсем здоровым, а это только начало пути!

Глава 3
По железным облакам

Рина Пыль Дорог

Грозовой фронт надвигался сзади, с севера, и с каждой минутой мне делалось все неуютней. Я не боялась грома и молний, как младшая из Латовых дочек, но сейчас от туч веяло чем-то зловещим. Может, все дело в том, что прошлые грозы я наблюдала через окно, сидя за крепкими стенами? Или же мне передались напряжение и настороженность спутников?

Расстались с Даленом мы восемь дней назад, и за это время уже случилось два нападения. То, первое, нахрапом на дороге, а потом через день – уже куда более аккуратное, в придорожном гостевом доме, где остановился отряд регента. Я бы и не узнала, наверное, о случившемся, если бы не хмурые виноватые лица стражников с утра. С ними я к тому моменту не то чтобы сдружилась, но познакомилась и не постеснялась спросить, что произошло. Оказалось, ночью они чуть не прозевали все на свете: их усыпили. Да и не только их – судя по всему, уснул весь гостевой дом, включая хозяев. Если бы не пастух, гнавший мимо свое стадо и заглянувший, чтобы забрать пару коров, неизвестно, когда бы люди вообще проснулись.

Мрачен был и Райд; один Железный регент оставался совершенно невозмутим и никого ни в чем не винил, чем, правда, только усугублял печаль стражников.

Ив лаконично пояснил, что ко всеобщему сну явно приложил руку дан, поэтому оплошность стражей простительна. А что именно произошло ночью, мы так и не узнали, равно как и не получили ответа на вопрос, как сам Железный регент устоял перед чарами.

В самом этом событии не было ничего, выходящего из ряда вон. Хоть сила данов не способна существовать отдельно от них, в виде амулетов, которые с легкостью принимают силу фиров, но защищающие от нее обереги существуют. Однако дело в том, что их действия хватает на одну смену дня и ночи, а потом защиту надо обновлять. И если сам Ив пользовался именно таким амулетом и в ту ночь ожидал неприятностей, непонятно, почему не предупредил остальных? До сих пор он уверенно выполнял долг командира отряда и не упускал ни одной мелочи.

В любом случае с тех пор прошло уже несколько совершенно спокойных и даже скучных дней, за которые ничего не случилось. Разве что в отряде завелся обычай: вечером я непременно доставала из чехла лиру и немного играла на ней, настраивая мир на легкую дорогу. Не думаю, что помогало именно это, моя Искра не настолько сильна, чтобы отвести серьезную беду. Но Железный регент не возражал, даже как будто слушал с удовольствием, да и остальным муж-

чинам нравилось.

И вот сейчас с севера надвигалась эта туча. Тяжелая, почти черная, она стремительно заполняла собой небо, за жалкие полчаса превратившись из небольшой темной полоски у горизонта в огромное полотнище. Впереди тучи летели порывы штормового ветра, как будто тяжелые облака выдавливали из-под себя воздух. Или то был авангард идущего в атаку грозного воинства?

Ветер рвал одежду и трепал лошадиные гривы. Особенно зловеще выглядел некто в плаще, познакомиться с которым за время пути я так и не сумела. Да и никто не сумел: он или она не снимал маску, храня свою тайну, и один Ив знал, кто это на самом деле.

На приближающуюся грозу настороженно поглядывали все, кроме Железного регента. Тот был, как обычно, невозмутим и равнодушен к капризам природы. Правда, лишь до определенного момента: когда в воздухе отчетливо запахло дождем, который вот-вот должен был пролиться, Ив вдруг придержал коня и поравнялся со мной.

– Иди сюда, – спокойно велел он, протягивая руку.

Я растерялась, но молча послушалась и перебралась на луку его седла. И только потом сообразила, что это, мягко говоря, непристойная поза. Рука регента крепко обхватила меня за талию, удерживая, но заодно и тесно прижимая к его телу. Мои ноги лежали на его бедрах, и это было удобно, но мысли вызывало исключительно неприличные.

Щекам стало горячо. Я замерла, неловко держа локти на весу, боясь лишний раз шевельнуться и лихорадочно соображая, как можно хоть немного отстраниться, потому что слишком уж все это двусмысленно. Хотя какое там! Смысл один, и совсем не о безопасности в такой момент думается…

– Она как раз вовремя, – прозвучал у меня над ухом голос Ива, пощекотав кожу теплым дыханием. Я вздрогнула, по спине пробежали мурашки. – Райд, готов?

– К такому нельзя приготовиться, – проворчал тот. С удивлением я заметила, что на крупе его лошади сидит наш загадочный спутник в плаще. – Только тебе подобный способ передвижения доставляет удовольствие, а нормальные люди предпочитают лошадей.

Ив неожиданно легко рассмеялся в ответ, заставив меня вздрогнуть. Первый раз слышала, как он смеется, и от этого звука от затылка вниз сбежала волна мурашек. Смех низкий, раскатистый, как отзвук далекого грома. Мягкий и обволакивающий, бархатистый, нежно касающийся обычно молчащих струн в глубине души – он заставлял понимать, что чувствует лира в умелых руках.

Какое расточительство со стороны богов – наделить таким голосом человека Железа! Начни он петь, и никакая Искра не понадобится…

– Если боги так настойчиво предлагают помощь, не стоит обижать их отказом, – насмешливо укорил Райда регент. – Я давно говорил тебе, что с боязнью высоты нужно что-то

решать.

– Я тебе тоже много чего говорил, не больно-то ты слушаешься, – огрызнулся высокородный, на что регент почему-то вновь ответил смехом.

– Продолжайте путь спокойно, можете не спешить, – обратился Ив к страже и легонько тронул конские бока шенкелями, веля скакуну ускориться.

Движение мужчины я ощутила всем телом, качнувшись в его объятьях. От щек моих уже смело можно было разводить огонь.

Да чтоб он заржавел! Есть у этого человека хоть какие-то представления о приличиях? Я не ханжа, но это и в самом деле слишком…

– Не бойся, девочка. Думаю, тебе понравится, – негромко проговорил регент мне на ухо, едва не касаясь губами.

Я почти набралась наглости ответить, что не боюсь, а испытываю совсем другие чувства, и попросить вернуть меня обратно в седло, но не успела. Оказалось, предупреждал Ив на будущее.

Где-то совсем рядом, ослепляя, сверкнула молния, и грохот расколол мир. Я дернулась от неожиданности, испуганно вскрикнула, когда лошадь поднялась на дыбы. Мгновенно забыв о смущении, сжалась, вцепившись обеими руками в локоть мужчины, зажмурилась… а конь, вместо того чтобы опуститься на четыре ноги, вдруг прянул куда-то вперед и вверх, будто карабкался на крутой склон. Мой спутник низко

пригнулся, чтобы облегчить скакуну движение, почти вжимая меня в лошадиную гриву. Я отстраненно подумала, что Железный регент и на ощупь больше похож на кусок металла, чем на живого человека. Уж больно твердые, как говорят, литые были его мышцы. Когда он только успевает столько тренироваться?

А потом мысль эта вылетела из головы, уступив место куда более разумной: а что, собственно, происходит? Куда может карабкаться лошадь на плоской, как стол, равнине? Не на дерево же, в самом деле!

Представив эту картину, я нервно хихикнула, но тут догадалась открыть глаза – и забыла, как дышать. И к лучшему, потому что иначе непременно закричала бы от ужаса.

Конь двигался по воздуху, вышибая из крупных дождевых капель маленькие молнии. Рядом качались под ударами ветра древесные макушки, почти касаясь низко нависшего брюха туч. Еще несколько рывков – и деревья уже внизу, а мы продолжаем двигаться вверх, прямо в клубящуюся черноту.

Полноте, конь ли подо мной?

Мышастая шкура его отчетливо отливала металлом, копыта ударяли всё звонче, с отчетливым лязгом вместо привычного глухого стука. В сизой, потемневшей от воды и облепившей шею гриве мелькали яркие голубоватые искры. Когда моя щека в какой-то момент оказалась рядом, одна из таких искр больно ужалила, заставив вздрогнуть и отшатнуться. В ответ на это движение удерживающая меня рука

регента рефлекторно сжалась сильнее.

– Почти всё, – проговорил Ив, и его голос очень гармонично звучал рядом со свистом ветра и непрекращающимися громовыми раскатами.

Мы двигались среди тяжелого густого тумана, катящегося куда-то стремительным потоком. Вся одежда разом вымокла, неприятно облепляя тело. Ветер стегнул холодом, я вновь дернулась и сжалась, пытаясь спрятаться от его порывов и заодно оказаться ближе к источнику тепла. Хотя, казалось бы, куда ближе?

Железный-то железный, но мужчина сейчас казался обжигающе горячим, будто печка.

– Потерпи немного, сейчас станет легче, – мягко попросил он, и мы вдруг выскочили из тумана под яркое солнце. Его сияние на мгновение ослепило, заставив зажмуриться, а потом вновь утихло.

Я осторожно приоткрыла глаза и вновь потрясенно огляделась.

Ход скакуна выровнялся. Теперь он двигался вперед длинными прыжками, распластываясь в полете, будто кошка, и движения его были настолько плавными, словно под нами не существо из плоти и крови, а порыв ветра или поток воды. Впрочем, наверное, так оно и было.

Зверь по брюхо тонул в плотном клочковатом тумане, а внизу, под ногами, клубилась подвижная темная масса, отчаянно что-то напоминающая. По бокам вздымались измен-

чивые сизые горы, одна из которых и закрывала сейчас солнце. Прямо на нашем пути вдруг вырос небольшой холм, но скакун прошел сквозь него, не снижая хода: он оказался сложен из тумана.

– Где мы? – потрясенно спросила я, забыв на несколько секунд о холоде.

– На облаках, – спокойно ответил Ив, а когда я вздрогнула и испуганно заозиралась, только рассмеялся: – Не бойся, здесь нет мертвецов, и богов тоже нет. Это просто маленькая хитрость, чтобы сократить путь.

– Говорят, грозовые тучи появляются, когда Идущая-с-Облаками или кто-то из тех, кто живет на Железных облаках, хотят взглянуть на землю, – тихо пробормотала я. От холода и сырости начало мелко знобить, несмотря на тепло мужского тела рядом. – Тучи, они ведь тоже… железные.

– Все облака – это просто туман, – отмахнулся регент и участливо спросил: – Замерзла? Сейчас…

Через несколько мгновений меня укутал тяжелый плащ из тонкой шерсти, так что только голова наружу и торчала. Такой же мокрый, как вся остальная наша одежда, он все равно хорошо защищал от ветра. Стало заметно легче.

– Спасибо. А снизу похоже, что они в самом деле железные…

– Легенда имеет смысл, но не нужно понимать ее так буквально. – Ив задумчиво пожал плечами. – Не зря наша богиня зовется Идущей-с-Облаками. Туман стирает грани меж-

ду реальностью, в которой мы живем, и иными пределами. Может быть, Идущая действительно иногда глядит на землю с грозовых туч, но это совсем не значит, что мы можем ее здесь встретить.

– И часто вы вот так путешествуете? – набралась я смелости спросить.

– Случается, – уклончиво ответил он. – Иногда возникает такая надобность, но слишком редко в нужный момент встречается попутный ветер. И совсем уж редко я путешествую один, а отряд таким путем не проведешь.

– Никогда не думала, что фиры на такое способны, – проговорила я. – И что, пройти облаками можно на любой лошади?

– Да хоть на своих двоих, – усмехнулся он. – От лошади здесь совсем ничего не зависит.

– Есть ли вообще что-то, что вам не по силам? – спросила я, растерянно качнув головой.

– Ты даже не представляешь себе, сколь многого мы не умеем, – возразил Ив. Прозвучало вроде бы ровно, но я вдруг отчетливо поняла, что обсуждать эту тему собеседник не желает, и предпочла замолчать. Кажется, было в этом вопросе что-то глубоко личное. Он продолжил: – Можешь поспать. Путь мы, конечно, сильно сократим, но все равно придется ехать достаточно долго. И пока ветер попутный, на землю не сойдем, так что, возможно, продолжим двигаться и ночью.

– Спасибо, – только и нашла, что ответить я, смутно представляя себе, как можно в такой ситуации спать, но решила не спорить.

Некоторое время мы молчали. Я с интересом оглядывалась по сторонам. Облака вздымались причудливыми формами, и порой мы пробирались вперед в сплошной их пелене, но Ив почему-то не поднимался выше. Иногда же темные громадины озарялись отсветами молний, и здесь они выглядели совсем иначе, нежели снизу: не ветвистые трещины, а просто яркие вспышки, подсвечивающие тучи и придающие им жути. Вскоре я догадалась, что этих ломаных белых линий попросту не видно за слоем туч. Но все равно очень трудно было поверить в слова Железного регента о том, что это – просто облака, а не… что-то еще.

Рокот грома слышался здесь тоже очень странно: то глухо и тихо, а то раскатывался по туманному полю далеко-далеко, резко и страшно.

Но вскоре я поймала себя на мысли, что не так уже боюсь всего этого, не вздрагиваю от каждого удара грома, не озираюсь испуганно при новых вспышках, да и изменчивые пейзажи стали приедаться. Потихоньку меня в самом деле начало клонить в сон, несмотря на непривычную позу. Какое-то время я боролась с этим чувством, изо всех сил стараясь поменьше опираться на мужчину. Первое яркое смущение уже прошло, но все равно было очень неловко. Слишком тесно я вынуждена была к нему прижиматься, ощущая буквально

каждое движение…

Дополнительно смущало еще и то, что ощущения не были неприятными, хотя клеймить себя распутной и испорченной я не спешила. Разум подсказывал, что ничего неправильного или постыдного в подобной реакции нет. Во-первых, Ив очень теплый, и это хорошо, потому что иначе я бы непременно замерзла. Во-вторых, он сильный и надежный, поэтому я совершенно точно не рисковала упасть вниз и даже почти не боялась, полностью доверившись уверенности регента. И хоть по коже порой пробегал холодок от осознания, что я подвешена в воздухе на огромной высоте, но это было скорее приятно, чем действительно страшно. А в-третьих… наверное, именно так должна реагировать женщина на близость мужчины. То есть это наверняка должно быть приятно, иначе зачем влюбленные пары постоянно обнимаются и держатся за руки?

Просто это все было слишком непривычно, да еще никак не получалось отвлечься от личности сидящего позади мужчины. Наверное, вези меня вот так какой-нибудь стражник, я бы чувствовала себя спокойнее, чем в объятьях Железного регента. Просто потому, что он – это он: существо, которое куда ближе к богам, чем к простым смертным.

А потом мне вспомнились собственные мысли о грядущих переменах, и я даже восхитилась своей прозорливостью. Похоже, вот они и начинаются…

В конце концов я успокоила себя тем, что от меня все рав-

но ничего не зависит, никто в таком положении меня не видит, да и рук мужчина не распускает. Если бы он хотел сделать что-то совсем неприличное, наверное, уже сделал бы, мы тут одни, и я при всем желании никуда не денусь. Значит, он и не собирался совершать ничего этакого, а что поза двусмысленная – так это неизбежное зло. Ив заботился о том, чтобы мне было удобно и чтобы я не свалилась с лошади, а усади он меня на круп позади себя, еще неизвестно, что я могла выкинуть с перепугу. И вообще, регенту, может, тоже неудобно с пассажиром, однако не ворчит, нянчится со мной, хотя совсем не обязан.

Вскоре я окончательно успокоилась и позволила себе немного расслабиться, устроив голову на плече Ива, а после и вовсе провалилась в сон. Порой я выныривала из дремы от сильных рывков или особенно оглушительных громовых раскатов, но не до конца, и почти сразу вновь погружалась в пелену видений. Грезилось мне разное, но сны сменяли друг друга слишком быстро, не оставляя отпечатка в памяти.

А окончательно я проснулась от того, что меня начало немилосердно трясти, и мужская рука на талии сжалась капканом, причиняя боль. Я охнула, распахнула глаза – и очень удивилась, не обнаружив вокруг уже примелькавшихся облачных громадин.

Вместо них под копытами коня расстилалась крупная темная брусчатка широкой овальной площади, половину которой охватывало величественное светлое здание строгих

очертаний с прямыми колоннами вдоль фасада. В несколько обхватов, высоченные, они тянулись в два ряда, рождая ощущение древнего рукотворного сада. Наверху, над колоннадой, через равные промежутки стояли статуи и снисходительно взирали на мелких людишек сверху вниз. Кажется, статуи тоже были огромны.

Середину этого сооружения венчал аккуратный купол, кажущийся изящным и легким. Но, представив себе его размеры, я ощутила благоговение.

Лучи встающего солнца раскрашивали дворец золотым и розовым, отчего он казался совсем не таким строгим, каким, должно быть, выглядел днем. Даже немного легкомысленным.

Приглядевшись, я поняла, что собственно здание находится посередине, два павильона – на краях площади, а в остальных местах сквозь колоннаду виднеется зелень сада. Сад был и напротив дворца, пышный и густой, рассеченный посередине широкой подъездной дорогой и опутанный сетью тонких тропинок. Деревья отделяла низкая балюстрада с несколькими широкими проходами, украшенная вазонами с яркими цветами. Кажется, брусчатка была на добрый метр выше уровня земли.

Посреди площади шумел фонтан: овальный бассейн с невысоким белым бортиком, семь струй разной высоты, расположенные по нисходящей, от самой сильной в центре, споривший высотой с колоннами, к низким и забавно приплю-

щенным – по краям. Изящно, строго и – восхитительно.

На брусчатке сверкали лужи. Туча, эффектно подсвеченная солнцем, уходила дальше на юг, и основная ее часть растилалась к юго-западу от нас, но краем дворец она все же задела. Похоже, Иву этого хватило, чтобы добраться до нужной точки.

Поначалу мне показалось, что площадь пустынна. Но когда конь, с разгону проскакавший десяток метров, остановился, тут словно из-под земли возникло несколько человек в одинаковых серых туниках длиной по колено. Один из них ухватил шумно дышащего скакуна под уздцы, второй в это время точно так же удерживал коня, на котором прибыл Райд.

– Лошадей отшагать, – сразу начал сыпать распоряжениями Ив. Голос его звучал сухо и строго, совсем иначе, чем раньше. Показалось, что со мной рядом уже совсем другой человек. Или другой был там, на облаках? – Госпожа Рина – новая ученица. Ее проводить к другим детям кесаря, предоставить покои, завтрак, в общем, все как положено, и по возможности как можно быстрее пригласить Паучиху. Вещи разобрать. Для нашей светлой гостьи подготовьте покои в северном крыле, поближе к святилищу Идущей. Райд, вы ступайте в мой кабинет, я сейчас догоню.

Говоря все это, Ярость Богов спешился сам, помог спуститься мне. Лошадей тут же увели, следом за ними ушла еще пара слуг.

Потом регент обратил взгляд на переминающуюся с ноги на ногу меня, улыбнулся одними глазами и мягко проговорил, положив тяжелую ладонь на плечо:

– Отдыхай. К данам имеет смысл обращаться ближе к вечеру, я сопровожу тебя.

На этом он отвернулся и широким шагом двинулся ко входу во дворец.

– Пойдемте, госпожа, – вежливо пригласил меня немолодой мужчина.

Русые волосы с проседью острижены очень коротко, зеленые глаза глядят с любопытством, но без враждебности и каких-либо подозрений. Но гораздо больше меня заинтересовала его одежда: никогда я не видела вблизи мужчин в туниках. Знала, что на юге, особенно в жару, все так одеваются – простое полотнище, скрепленное на плечах пряжками и подпоясанное ремнем, да плетеные сандалии на ногах, – но видела впервые. Странное зрелище. Я представила Железного регента в подобном наряде и едва не захихикала. Одно дело – простые люди, но для него подобные одежды казались уж очень легкомысленными…

Если Ив и Райд исчезли в главном здании, то мы обошли его слева, поднявшись на несколько ступеней к колоннаде, чтобы пересечь ее и спуститься в сад. Среди зелени, на некотором отдалении, возвышался еще один дворец, заметно меньше первого и гораздо изящнее. Округлые арки, белоснежный камень, кружевные барельефы – он очень походил

на большой фонтан на площади, такой же легкий и устремленный вверх.

– Скажите, а кто такая Паучиха? – рискнула полюбопытствовать я.

– Это старшая портниха Верхнего дворца, – охотно пояснил сопровождающий. – Она строгая, бывает резка, но, главное, справедлива и чрезвычайно умна. И безоговорочно предана кесарю.

– Верхний дворец – тот, а Нижний мы сейчас прошли? – вдохновленная общительностью проводника, продолжила я.

– Именно.

– И в чем различие? То есть в Верхнем живут дети кесаря, а в Нижнем?

– В Нижнем… – он запнулся, по лицу пробежала тень недовольства, но дальше мужчина продолжил тем же ровным тоном: – В Нижнем дворце проживает регентский совет полным составом, другие должностные лица, но главным образом – придворные бездельники. Сейчас, пока нет твердой руки кесаря, это своеобразное место. И если госпожа пожелает услышать мое мнение…

– Пожелает, – кивнула я.

Подобное обращение и отношение были непривычны, но я не стала спорить и настаивать на другом: если назвали госпожой – значит, так положено. Не оскорбляют же, наоборот.

– Молодой особе не стоит появляться там без сопровождения.

– А то что? Могут убить? – опешила я.

– Нет, что вы. Просто нравы там царят излишне вольные, и молодой достойной девушке не нужно лишний раз общаться с этими людьми.

– Спасибо за предупреждение, – проговорила я озадаченно, раздумывая, могу ли считаться достойной девушкой – как сама по себе, так и после своеобразной поездки на коленях у постороннего мужчины. Так и не придя ни к какому выводу, решила спросить о другом: – Скажите, а много сейчас детей кесаря? И есть ли какие-либо правила, о которых мне нужно знать?

Райд по дороге успел рассказать многое, в том числе об обычаях Верхнего дворца и распорядке дня, но уточнить еще раз было нелишне. Высокородный мог что-то упустить или не придать значения чему-то, очевидному для него, но неожиданному для меня.

– Детей кесаря сейчас, если не ошибаюсь, восемьдесят четыре. Правила… стоит соблюдать правила приличия, а если вы говорите о каких-то внутренних тонкостях, то здесь я не советчик. Я просто слуга. Попробуйте спросить у госпожи портнихи.

– Спасибо, – я вновь поблагодарила провожатого.

Сад мне понравился. Да и кому бы он мог не понравиться? Тенистые дорожки, яркие красивые растения, душный запах южных цветов и влаги от прошедшего дождя, беспечная тишина, наполненная голосами птиц. В роскошную зе-

лень сада аккуратно вписывались фонтаны и пруды, скамейки и статуи. Наверное, именно так на Железных облаках выглядит место, где отдыхают от земной жизни достойнейшие из достойных.

Дворец своему окружению полностью соответствовал. Здесь тоже было много зелени, попадались даже фонтаны. Никакой кричащей претской роскоши: строгие линии, лишенные вычурности узоры, сдержанные цвета, великолепные фрески на стенах.

Чем дальше мы шли, тем более неловко я ощущала себя среди этого великолепия. В грязной с дороги поношенной одежде, пропахшая потом и грозой… Да не в одежде дело! Стены смотрели на меня и вежливо недоумевали, откуда здесь взялась эта бродяжка. В конце концов я даже немного втянула голову в плечи и перестала глазеть по сторонам.

А потом вдруг разозлилась. Почему я должна чувствовать эту неловкость? Я не совершала ничего плохого, я не пробиралась сюда украдкой. Меня пригласил хозяин всего этого, пусть временный, но – хозяин. И побираться или бездельничать я не собиралась, я приехала сюда учиться, и буду учиться, и даже, как это принято, пойду на государственную службу, если вдруг у меня обнаружится талант к ней, и отработаю положенный срок! А что разместить меня решили не в скромной комнатке, снятой за ежелунную плату у честной горожанки, но в самом дворце – так это тем более не мое решение. И спорить с Железным регентом об этом я точно

не собиралась. В конце концов, какой нормальный человек откажется пожить среди такой красоты?

Поэтому остаток пути я шла с решительно расправленными плечами и с легким сердцем.

Покои, в которые проводил меня слуга, оказались… идеальными. Анфилада из трех комнат: передняя – для встреч, приема гостей и завтраков, средняя – спальня, и последняя – ванная. Все достаточно небольшие, в той степени, чтобы перестать быть тесными, но оставаться уютными. Обстановка не слепила глаза роскошью и казалась даже скромной, но, возможно, именно казалась: я не знала, из чего и кем была сделана немногочисленная мебель.

Узкие арочные окна, по прохладе распахнутые настежь, давали достаточно света и воздуха, впуская внутрь запахи сада и птичий гомон, а при необходимости их можно было затворить непрозрачными темными ставнями: в частности, так обычно делали в жару.

Что действительно поражало воображение, так это маленький бассейн, занимавший почти всю площадь ванной комнаты, прочая обстановка которой скромно теснилась по углам: туалет за ширмой и небольшой открытый шкафчик сразу при входе. Сюда свет попадал через маленькие оконца под самым потолком, забранные матовыми стеклами, но солнца вполне хватало. Здесь, на юге, его вообще в изобилии.

Размеры ванны, конечно, впечатлили, но ничего удиви-

тельного в этом не было. Вираны очень чистоплотны, у нас считается, что грязное тело несовместимо с чистой душой и помыслами, поэтому даже самые бедные жители скорее лишний раз откажутся от куска хлеба, чем от мытья. Впрочем, для таких людей еще лет триста назад начали строить бесплатные общественные купальни. Прета близка нам в этом смысле, а вот Альмира искренне презирает наше «чрезмерное чистоплюйство», считая его признаком слабости. Не могу сказать, что они не моются совсем, но и такого культа чистоты не имеют.

Перед уходом слуга показал, как здесь что работает, и предложил отдыхать, ни о чем не беспокоясь. «Не беспокоиться» у меня никак не получалось, но отдохнуть действительно было нелишне. Конечно, за время пути по облакам я явно устала не так, как Ив или Райд, и даже почти выспалась, но не воспользоваться ванной было глупо.

Пока я отмывалась в горячей воде, пыталась осмыслить последние события. Когда отряд регента двигался к столице, изредка останавливаясь в придорожных гостевых домах, все было просто и понятно. Даже нападения не вызывали особенных вопросов. Наверное, в те дни я толком не осознавала, что происходит, с кем я связалась и что ждет меня в будущем.

А вот путешествие по облакам выглядело настолько странным, что уже сейчас, через пару часов после окончания пути, виделось сном. Да, богиня фиров – Идущая-с-Облака-

ми, но… все равно это очень, очень странно! Даже несмотря на то, что исключительной особенностью обласканного богами Железного регента это умение не являлось и Райд воспринял прогулку как нечто обыденно-неприятное.

А вместе с дворцом, этими покоями, ванной и предстоящим визитом портнихи со странным именем Паучиха все складывалось и вовсе в невообразимую картину, вызывало чувство полного ошеломления, даже бессилия, и одновременно чудилось, будто происходят эти события не со мной, с кем-то другим.

Я намыливала волосы, рассматривая украшенные тонкой серебристой и голубой росписью стены, и все ждала, что это исчезнет, растает туманным видением. А оно не исчезало. Ни шероховатая плитка ванны, ни пахнущий скошенным лугом шампунь, ни горячая вода, ни настырные мысли о невозможности лететь над облаками на крыльях грозового ветра.

Впрочем, к лучшему, что они не хотели идти из головы, потому что, стоило взять себя в руки и успокоиться, прогнав ощущение нереальности, как освободившееся место занимал Железный регент. И это было во много раз хуже, поскольку страх мой перед ним слабел с каждой минутой, растворялся в теплой воде, таял под лучами яркого южного солнца, уступал место желанию узнать этого необычного человека поближе. Проклятое любопытство распирало изнутри, Искра сияла ярко и восторженно, а окружающий мир решительно подталкивал вперед, подзуживая и подговаривая

с головой нырнуть в эти загадки. Такое со мной тоже было впервые, и объяснить себе причин этого состояния я не могла.

Глава 4
Малый регентский совет

Ив Ярость Богов

Рабочий кабинет встретил неподвижным сумраком, запахом пыли и сладковатым, едва ощутимым привкусом тлена. В мое отсутствие никто не рисковал заглядывать сюда, чтобы убраться: выполняли приказ. Но часто, особенно ночами, мне казалось, что никто не осмелился бы добровольно сунуться сюда в одиночестве, даже не будь этого распоряжения. Потому что темноту рассеивали солнечные лучи или огоньки светильников, пыль отступала под напором влажной тряпки, а вот запах тлена не пропадал никогда.

Еле заметный или, вернее, заметный только мне, он пришел сюда вместе с болезнью Алия Сохранившего Жизнь, двадцать третьего кесаря Вираты. Зараза получила свою жертву и убралась восвояси, а запах остался. Больше всего мне хотелось дотла сжечь все, что находилось между этих четырех стен, до последнего клочка бумаги, чтобы вытравить мертвенную сладость пепельной горечью, но приходилось терпеть.

Да что там, я даже не смел перебраться в другое помещение. Не боялся, просто чувствовал, что это не поможет: запах двинется следом и будет ползти по пятам, пока не оку-

тает весь дворец. Нет уж, пусть лучше живет здесь.

Именно из-за него я любил поездки по стране и радовался, что мои обязанности требуют регулярно покидать это место. И каждый раз мелочно злорадствовал, потому что я мог уйти из дворца и умчаться на другой конец Вираты, а он – нет.

– Ну что, теперь-то мне позволено узнать, куда мы вообще ездили и кого привезли? – полюбопытствовал Райд, с брезгливым видом кончиками пальцев собирая покрывало, защищавшее от пыли одно из кресел.

– Вы знакомы, – спокойно ответил я, кивнув третьему присутствующему, и тоже стащил покрывало с кресла.

– Как мне оржавела уже эта маскировка! – ругнулся человек в плаще, откидывая капюшон.

– Траз? – вытаращился на бывшего соученика мой помощник.

– Да сейчас, ага, два раза, – огрызнулся тот и, растопырив полы плаща, присел в поклоне, пародируя альмирских барышень. – Отшельница, самая преданная жрица Идущей-с-Облаками, – представился он тонким кривляющимся голоском. – Ив, ну какого ржавого гвоздя это должен делать именно я?

– Потому что это приказ, – ответил я коротко и резко, не желая тратить время на его дурачество. – Впрочем, если желаешь подробностей… Ты единственный из всех достойных доверия людей с подходящим складом ума и характера, ко-

торый предпочел столице глухой угол. Ты единственный, чье отсутствие не вызовет подозрений у заинтересованных лиц, потому что они понятия не имеют, где ты должен сейчас находиться. Кроме того, ты можешь долгое время молчать, в отличие от, например, этого трепла, – я кивнул на Райда, тот состроил обиженную гримасу, но спорить не стал. – А теперь верни все как было, пока сюда не заявились какие-нибудь посетители.

– Ладно, а второй вопрос? Что все это значит?

– Идущая-с-Облаками должна снять чары, которыми укрыты сейчас дети кесаря, – монотонно начал я. – По ряду причин проводником ее воли может служить только жрица, которая прошла определенный ритуал в определенных местах силы. Я не вдавался в подробности, но, насколько помню, боги не имеют права надолго являться на земле и представать перед людьми в исконном облике.

– Ну да, считается, что люди от этого сходят с ума, – перебил Райд. – Это все я знаю, при чем тут Траз?

– Почему-то обыватели уверены, что столичное жречество, особенно из главных храмов, сплошь и рядом шарлатаны; другое дело – всяческие отрешенные особы из удаленных от цивилизации святилищ. Вот они-то, по мнению большинства, гораздо ближе к богам.

– Но это, судя по скепсису в твоем голосе, не так? – спросил он.

– Полная чушь, – поморщился я. – Богам неинтересны

полуразрушенные хибары в лесу. Пища богов – вера людей, чем больше людей – тем больше пищи. И ни один безумный фанатик не верит так, как верит, скажем, мать, пришедшая просить здоровья для своего ребенка.

– Интересно, никогда не задумывался об этом, – протянул Райд с таким видом, как будто он всю жизнь провел в теологических измышлениях и только этот вопрос по неведомой причине упустил. – И что?

– И все. Траз изобразит такую жрицу и будет отбиваться от желающих устранить ее, пока настоящая спокойно сделает свое дело.

– И ты думаешь, что на это все купятся?

– Не все, а те, кто должен. Не зря же я лично сопровождал эту жрицу, охраняя и оберегая, ухлопав на подобную ерунду больше луны.

– Тогда почему мы столь внезапно свернули нашу поездку?

– Пару дней назад жрица добралась до последней точки своего паломничества и сейчас как раз должна вступить в силу, так что до момента представления наследника она защищена божественной волей и в безопасности еще большей, чем дети кесаря.

– Тогда зачем мне продолжать этот маскарад? – проворчала фальшивая жрица.

– Чтобы идиоты, которые этого не понимают, не лезли к ней и не прогневили ненароком Идущую-с-Облаками. Глав-

ные враги Вираты и рода Детей Неба не дураки, они прекрасно понимают, что сейчас куда проще дождаться представления наследника народу и либо разобраться с ним, уже лишившимся основной части защиты, либо просто завладеть умом неискушенного дитя и в свое удовольствие править страной. Предварительно, правда, разорвав глотки остальным желающим. Но есть еще богатые и деятельные полудурки, которые зачастую куда опаснее всех остальных возможных вредителей. А еще есть те, кто просто попытается расшатать ситуацию, любым способом, и этот – один из возможных.

– Все равно мне это кажется глупостью, – буркнул Райд.

В этот момент, избавляя меня от необходимости продолжать бесполезный разговор, в дверь постучали. Дождавшись разрешения, внутрь просочился смотритель, ответственный за эту часть дворца, поклонился:

– Господин регент, когда мне распорядиться относительно уборки в вашем кабинете?

– Давай прямо сейчас, Рут, – с готовностью кивнул я.

Этот пожилой мужчина занимает свою должность дольше, чем я живу на свете, еще с тех пор, когда оба дворца являлись вотчиной одного старшего смотрителя. Опыта ему не занимать, а своей расторопностью и умением правильно выбрать момент он просто восхищает. Райду не мешало бы у него поучиться: еще пара вопросов, и мое терпение лопнуло бы.

С другой стороны, для своего возраста он и так более чем сообразителен.

– Райд, проводи светлую госпожу в покои, их должны были уже приготовить, после распорядись о малом регентском совете в час пополудни, принеси мне накопившиеся за это время бумаги и до совета можешь отдыхать.

– Слушаюсь.

Ворчать и паясничать при посторонних мальчишка, он, разумеется, не стал, лишь вежливо склонил голову и, поднявшись, предложил «светлой госпоже» локоть. Капюшон качнулся – готов спорить, что Траз состроил под ним недовольную гримасу, – но фигура в плаще поднялась и, опираясь на руку добровольного помощника, покинула кабинет, и я временно выкинул обоих из головы. Райд сделает все как надо, да и на Траза можно положиться, а кто куда кому наступит за время пути, что прошипит украдкой и какую мелкую гадость сделает, меня уже не интересовало. Эти двое появились в Верхнем дворце почти одновременно, всегда соперничали, но – редкий случай – не враждовали и уважали друг друга. Кажется, этот вечный спор развлекал обоих.

Когда мальчишки ушли, в кабинет неслышно, как туман, проскользнули несколько слуг. Чтобы не нервировать и без того встревоженных моим обществом людей излишним вниманием, я прикрыл глаза и сосредоточился.

Детей кесаря защищала не только сила богини и люди, не способные предать и готовые пожертвовать всем за жизнь

наследника, но и чары фиров, впитавшиеся в дворцовые камни. Чары, которые из поколения в поколение укрепляли и поддерживали одаренные из кесарева рода и изредка – посторонние вроде меня.

Сила фиров, в отличие от силы данов, способна существовать вне хозяина. Не так долго, как хотелось бы, но это все равно давало мне некоторую свободу передвижения. На луну или две, даже на три я мог покинуть дворцовый комплекс, не опасаясь, что плотная сеть защиты, которая плелась поколениями, рассыплется. Но все равно старался не уезжать надолго – по ряду причин, и это была одна из них. Возвращаясь же, в первую очередь проверял, спокойно ли все и нет ли разрывов.

Дворец меня не принимал. Терпел, уважая волю последнего хозяина, но не принимал. Позволяя собой командовать в довольно ограниченных пределах, чтобы я мог поддерживать защиту, он каждый раз давал понять, что делает мне одолжение. Брюзгливая древняя груда камней.

Впрочем, чувство это было совершенно взаимным: я ненавидел эту каменную громадину.

А еще мне постоянно казалось, что защита рухнет. Стоит ступить за пределы дворцового парка, и внутри все сжимается от страха и дурного предчувствия, от болезненной жажды, чтобы это уже наконец случилось. Недобрый пристальный взгляд дворца и запах тлена настойчиво гнали прочь, как можно дальше, а страх и долг требовали вернуться. Послед-

ние неизменно побеждали и будут побеждать, пока я жив, но… удовольствия это противоборство не доставляло.

Но этот страх – ничто по сравнению с еще одним, неотвязно преследовавшим меня везде: страхом будущего. Ему было плевать на расстояния и время суток, от него не получалось убежать или спрятаться. Как защитить того, кого я поклялся оберегать, после представления народу, когда божественная защита исчезнет?

Наследника вместе с остальными детьми кесаря учили очень хорошо, не только обязательным наукам, но и тому, без чего не выжить: прививали навык разбираться в людях, подозрительность и осторожность, умение держать лицо. Только никакое обучение не застрахует от ошибок, а каждая из них может стать последней, несмотря на все усилия – мои и остальных безоговорочно преданных покойному кесарю людей.

Чем меньше времени оставалось до представления наследника, тем крепче этот страх вцеплялся в мое горло.

Тогда, семнадцать лет назад, идея казалась гениальной. Спрятать родного ребенка кесаря среди множества других детей, в числе которых будут наследники известных семей, защитить их силой Идущей-с-Облаками. Наверное, тогда это действительно было необходимо. В конце концов, много ли надо, чтобы убить младенца? А защищать одного только наследника богиня отказалась – слишком явным было бы вмешательство. Почему с полусотней детей проще? Я не задавал

подобных вопросов, да она бы и не ответила.

Нет, тогда мы поступили верно. А вот что делать теперь?

– Ну, и что все это значит? – вывел меня из порочного круга опостылевших мыслей хорошо знакомый голос.

Я не заметил, когда ушли слуги, оставившие в память о визите чистоту и ненавязчивый запах душистых трав, разложенных по углам. А Рив всегда являлся бесшумно…

– О чем ты? – спросил я нехотя. Разговаривать с ним не было никакого желания, особенно перед советом.

– Про эту девицу. Зачем ты ее притащил? – Собеседник сидел в том кресле, которое парой часов ранее занимал Райд, и сверлил меня тяжелым пристальным взглядом.

Ненавижу, когда он так делает.

– Она талантливый бард, в Верхнем дворце она будет на своем месте, – я пожал плечами, делая вид, что не понял, о чем он.

– Ивар, не держи меня за идиота, ладно? Я еще мог бы понять, если бы тебе просто захотелось молодого тела, девчонка хороша, а главное, чиста, тебе всегда нравились такие бедные овечки. Но твое поведение не поддается никакой логике! И давай мы сейчас пропустим ту часть, где ты заверяешь меня, будто относишься к ней так же, как к тому же Райду и остальным сирым и убогим, которых собираешь по всей Вирате!

Ненавижу, когда он так выражается.

– Или ты начнешь следить за своим языком, или я его тебе

вырву, – процедил я, отвечая не менее злым взглядом.

Настаивать собеседник не стал, скандалить – тоже; голос его приобрел увещевательные интонации.

– Да ржа тебя побери! Нужно быть слепым, чтобы не заметить твоего особого к ней отношения. Это пока еще видели несколько слуг да мальчишка, но если ты продолжишь в том же духе, ничем хорошим подобное не кончится. Ты подвергаешь опасности себя, а значит, и наследника!

– Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что делаю, – я поморщился в ответ. – Никакой опасности нет. Во всяком случае, не больше, чем обычно.

– Ладно, допустим. Вряд ли кто-нибудь предпримет какие-то решительные шаги до представления наследника – не идиоты же они, понимают, что потом будет проще. Если ты пообещаешь, что твое помутнение закончится через десяток дней, я извинюсь и перестану трепать тебе нервы. Но я слишком хорошо тебя знаю, и что-то мне подсказывает, оно не кончится, так ведь? Ладно, оставим пока наследника, долг и прочее. Но девчонка, о ней ты подумал? Ты вообще представляешь, на что обрекаешь ее своим особым отношением? Ей здесь житья не будет!

– В Верхнем дворце она в полной безопасности, – упрямо возразил я. Правоту Рива понимал, и все же…

– И ты ее там запрешь, да? – язвительно протянул он. – Серьезно? Это что-то новенькое. Но мы вновь возвращаемся к вопросу: зачем она тебе? Влюбился? Проснулись отцов-

ские чувства? То есть остального курятника тебе мало, недостаточно для реализации инстинктов?

– Потухни! – зашипел я, вскочил…

Очнулся, стоя над искореженным креслом. По пальцам разливалось онемение, как обычно бывает после применения силы. Темный пол устилали палые листья – разлетевшиеся со стола бумаги. Что случилось со столом, я не помнил, а обернуться и посмотреть не решался: чувствовал, ничего хорошего.

– Прекрасно, – прозвучал за спиной все тот же постылый голос. – Один раз устрой такое при ней – проблема отпадет сама собой. Ив, ну какого ржавого гвоздя? Зачем она тебе?

– Она… нужна мне, – пробормотал я себе под нос.

Онемение в пальцах сменилось болезненным покалыванием, и я сосредоточился на этом ощущении: оно сейчас было единственным. Как всегда после помрачения, накатило чувство опустошенности, апатии и оторванности от мира. Не было запахов, звуки слышались приглушенными, как сквозь толстую подушку, да и картинка перед глазами расплывалась. Я чувствовал себя неуютно, как будто тело являлось одеждой с чужого плеча, не подходящей по размеру, а все, что окружало меня, казалось неверным, расплывчатым, будто его и не существовало вовсе.

Рив не понукал, молча ждал, пока я соберусь с мыслями и продолжу. Он никогда этого не скажет, но я знал: чувствует себя виноватым. Он совсем не умеет следить за языком,

никогда не умел. Мелет что ни попадя, а когда сердится и раздражен, получаются все больше помои.

– Она нужна мне, – повторил я тверже. – Я чувствую. Мне кажется, она – мой **Голос**…

– Это чушь, – спокойно припечатал собеседник. – Ты знаешь об этом не хуже меня. Голоса, лиры, вдохновение, души прекрасные порывы – заморочки данов, у нас все гораздо проще. Железо или есть, или его нет, оно не капризничает. Мне кажется, ты просто переобщался с этими… бардами. Единственное, что тебя с ними роднит, – такие вот непроизвольные эмоциональные вспышки. Если, конечно, допустить, будто каждый из них болен, – и он насмешливо хмыкнул, довольный своей шуткой.

– Наверное, ты прав, – спорить мне не хотелось. – Но рядом с ней мне спокойно, как не было уже давно. Можешь считать это моей блажью. Безумец имеет право на странности, как считаешь?

– Я считаю, что мне все это не нравится, но дело твое, – сдался он и тяжело вздохнул. – Поговори с данами, вдруг дело не в тебе, а в этой девочке. Может, не ты стремишься к ней, а именно она тебя притягивает. Ты многое о них знаешь, но ведь не все, а они обожают всякие мутные условия и конструкции из случайных совпадений.

– То, что мы живем, это уже результат случайности. Вся наша жизнь – череда совпадений.

– Об этом я и говорю, – поддакнул Рив. – Какая-нибудь

закавыка вроде этой.

– Слушай, сделай одолжение… Потухни совсем, а? И катись отсюда, пока я не разнес еще что-нибудь.

– Какие все нежные, подумать только! – проворчал он, но все же оставил меня в одиночестве.

Поскольку отговорок больше не нашлось, я огляделся, чтобы оценить ущерб.

Стол… Стола больше не было. Кажется, я отбросил его в сторону и прихлопнул: древесная труха оказалась ровным слоем размазана по стене. По счастью, кроме стола, кресла и старой фрески на стене, ничего не пострадало: два шкафа с документами и картами стояли при входе, а сундуки оказались достаточно низкими, один из них лишь слегка припорошило сверху. Другой мебели в просторном кабинете просто не было, да и кресла для посетителей появились здесь по моему приказу: это перед кесарем простым смертным сидеть негоже, а я не стремился уподобиться ему.

Бросив тоскливый взгляд на удобное сиденье, так и манившее отдохнуть, я, превозмогая слабость, принялся собирать бумаги: это не то дело, которое можно поручить дворцовым слугам.

Только закончив с ним, я второй раз за день позвал прислугу, а сам уселся на один из сундуков, чтобы все-таки посмотреть документы. И заодно – чтобы не встречаться взглядом с искоса испуганно посматривающими на меня людьми. Интересно, как слухи объяснят этот погром?

Рут Западное Крыло единственный оставался невозмутимым. Он распорядился принести новую мебель, сообщил, что пришлет художника привести в порядок стену тогда, когда мне будет удобно, и откланялся.

В малый регентский совет, фактически управлявший страной, входило, помимо меня, четыре человека. Алий, конечно, доверял мне безоговорочно и точно знал, что я вылезу из шкуры, но волю его выполню. Однако покойный кесарь был не дурак и прекрасно понимал, что один я не справлюсь при всем желании. Мне не хватало для этого образования, веса в обществе, выдержки, здоровья… В общем, единственное, чем я мог помочь кесарю – это моя сила для поддержания дворцовой защиты и готовность взять на себя ответственность за «детей кесаря».

Кроме того, в мои обязанности входило решение споров и общение с разнообразными просителями. И нельзя отказать Алию в остроумии: если человек сумеет переступить через страх передо мной, значит, дело действительно серьезное и другими путями разобраться в нем не получилось.

Собственно, главная моя роль, на взгляд стороннего человека, не знакомого с тонкостями защиты дворца, – это роль страшилки решительно для всех, начиная с его обитателей и заканчивая соседними странами. Зато официальные делегации на приемах безукоризненно вежливы и покладисты.

А экономикой, политикой и армией ведали другие люди, составлявшие малый регентский совет, на который я отпра-

вился к назначенному сроку, не найдя среди документов ни одного вопроса, требующего срочного решения.

Унат Голос Золота, старейший из членов совета, занимавшийся денежными делами, еще в самом начале настоял, чтобы встречи наши проходили не в кабинете кесаря, а в помещении более удобном. Зимой это была одна из гостиных, летом – изящная беседка почти посреди внутреннего сада Нижнего дворца. Там не росло высоких деревьев, место прекрасно просматривалось, что полностью исключало возможность подслушивания, так что этот выбор одобрили все.

Что не нравилось лично мне, так это манера решать важные вопросы мало того, что полулежа на стоящих полукругом диванчиках, так еще и за едой. Но Голос Золота был ярым приверженцем старых традиций, торопливость и неусидчивость «бешеного нового времени» откровенно презирал, а желающих поспорить с ним в этом вопросе не нашлось. Право слово, куда проще согласиться, чем переболтать старого хитреца!

Почему-то такая манера вести беседу приводила в восторг и чрезвычайно веселила Райда. Как секретарю, ему, конечно, полагалось стоять, но на этой мелочи никто не настаивал. А доверие… мальчишка уже отлично зарекомендовал себя, и я надеялся, что, немного подучившись, он сумеет занять мое место стража дворца. Потом, когда-нибудь, когда власть нового кесаря окрепнет и я смогу позволить себе убраться куда-нибудь подальше от столицы. Если доживу, конечно, до

этого момента…

– Как прогулка? – после непродолжительной приветственной беседы ни о чем первым поднял серьезную тему Даор **Алый Хлыст**, отвечавший за всю внутреннюю безопасность страны.

Из всего совета этот ироничный спокойный человек вызывал у меня наибольшее уважение – как умом, так и характером. Честно говоря, я завидовал его умению держать лицо и контролировать эмоции: я и в лучшие годы не мог к нему приблизиться. Впрочем, кесарю – кесарево, и зависть эта была мимолетной, несерьезной. У Даора своих проблем хватает.

– Это я у тебя хотел спросить, – ответил я. – Есть какие-то результаты? Отследили, кто отдавал приказы, по какому пути пошла информация о том, что мы спешно отбыли в столицу? Сколько было людей, как их нанимали?

– Погоди, друг мой, не так много вопросов, – с мягкой улыбкой попросил он, меланхолично ощипывая кисть винограда. – И не так быстро. Сам понимаешь, такие дела не терпят спешки. Кое-что мы выяснили, ты не зря тратил время. Впрочем, даже не найди мы никаких следов, польза все равно есть: во-первых, ты прогулялся, развеялся и размялся, во-вторых, несколько проредил поголовье совсем уж беспринципных и наглых наемников, а в-третьих, мне доложили, отыскал еще один алмаз нераненый.

– Какой еще алмаз? – полюбопытствовал Унат, успевший

задуматься или задремать.

– Это не по твоей части, драгоценный наш, – рассмеялся Даор. – Юная нежная дана. Ладно, друзья, к делу, поговорить о прекрасном можно будет после.

Дела, которые обсуждались таким составом, в последнее время особенным разнообразием не отличались, и предметом разговора был мой главный страх. Я в беседе почти не участвовал, хотя и старался внимательно слушать, чтобы быть в курсе происходящего, но получалось плохо. Дорога по облакам, неожиданный срыв – все это утомило, а разбор прошений и докладов окончательно доконал. Я вообще не понимал, зачем собрал сейчас эту компанию, если новостей у меня толком не было. Наверное, привычка после поездок отчитываться перед старшими товарищами. А что эта поездка получилась бестолковой и, в общем, говорить сейчас было не о чем, как-то не подумал.

Честно говоря, куда больше меня занимал… алмаз нераненый, как выразился Даор. Причем занимал совсем не так, как должен бы занимать с точки зрения государственной необходимости и будущего. Мне не хотелось думать о том, почему эта девочка так на меня действует, не хотелось «обсуждать этот вопрос» попозже с Алым Хлыстом и выслушивать его логичные, разумные и справедливые возражения. Мне хотелось закрыть глаза и слушать голос – бархатистый, густой, тягучий, неожиданно низкий для молодой девушки, ласкающий душу. Пусть она сидит рядом, поет, гладит стру-

ны лиры, и побери ржа все остальное.

Откуда Даор узнал о девушке, я даже интересоваться не стал. Вся эта история с маскировкой, подменой, отвлекающими маневрами и прочим была целиком и полностью его идеей, кандидатуру мы подбирали вместе, и я не сомневался, что Траз докладывает Алому Хлысту обо всем происходящем. Это Райд – мой личный помощник, на молчание которого можно рассчитывать, а все остальные – под колпаком у безопасника.

Впрочем, не удивлюсь, если и Райд при случае делится с ним информацией, и уж точно не расстроюсь этому обстоятельству. Если бы Даор Алый Хлыст задумывал переворот и был на стороне любого из противников кесаря, возможностей избавиться от всех нас у него имелась масса. Я даже не пытался с ним тягаться: слишком умное, хитрое и предусмотрительное существо. Единственное, что я мог с ним сделать, это без особых затей прикончить, но для подобного нужны серьезные аргументы.

Глава 5
Пустая Клетка

Рина Пыль Дорог

– Недурственно.

Я аж подпрыгнула на месте от неожиданно прозвучавшего рядом голоса и едва не рухнула в ванну, на низком бортике которой сидела. Поспешно прикрылась влажным полотенцем, прижав его к груди, вскочила и обернулась.

В проходе стояла высокая особа неопределенного возраста. Темно-зеленая туника в пол, заколотая на плечах золотыми фибулами так, что получался скромный вырез-лодочка, и подпоясанная узким плетеным золотым ремешком, подчеркивала белизну кожи. Не девичьей – шею, руки, да и лицо покрывали тонкие сеточки морщин, – но чистой и ухоженной. Тонкие белые пряди в черных волосах, собранных в высокую прическу, не добавляли женщине возраста, а почему-то украшали. Взгляд темных глаз, пристальный и цепкий, был насмешливым, но не злым и не враждебным.

– Кто вы? – спросила я, настороженно разглядывая гостью. Хотела спросить еще, как она вошла, но вовремя вспомнила, что сама не заперла дверь, чтобы могли принести еду. А двери между комнатами покоев и вовсе не закрывались.

– Айга **Черная Звезда**, – она слегка склонила голову. – Портниха.

– Портниха? – переспросила я недоверчиво, разглядывая обещанную Паучиху.

Взгляд, манера держаться… Все это подошло бы как минимум жене кесаря! Даже боязно спрашивать, кто и почему прозвал женщину в честь мерзкой ядовитой твари. А в то, что это родовое имя, мне верилось слабо.

– Портниха, – подтвердила она. – А ты – Рина? Новая игрушка нашего Ива?

– Я не игрушка, я приехала учиться, – огрызнулась я зло, чувствуя, что щеки заливает краска. Да как она вообще могла…

– Не в этом смысле, – рассмеялась женщина. – Просто каждый новый найденыш для него – как новая игрушка для ребенка. Ему интересно познакомиться, рассмотреть подробнее, так что будь готова к вниманию регента. Да не волнуйся, он с такими аккуратный, не сломает. И вообще он последний здесь, кого тебе стоит бояться, потому что для детей кесаря он добрый дух-защитник. Верхний дворец – тихое место, мы здесь отдыхаем в стороне от всего, включая гнев Железного регента.

– А Нижний?

– Там все будет зависеть от тебя, деточка, – проговорила она насмешливо, окинув меня новым оценивающим взглядом. – Вдруг в тебе скрыты такие таланты, что именно ты

хорошенько его встряхнешь? Хочешь попытаться, а?

– Я согласилась сюда приехать, потому что мне пообещали учителя, – проговорила я твердо, – и трясти я ничего не собираюсь!

– Да ради богов, – вновь рассмеялась женщина. – Пойдем. Судя по спешке, из одежды у тебя – только эти тряпки, – она задумчиво кивнула на сложенные на полу у шкафчика вещи.

– Так получилось, – раздосадованно пробормотала я и двинулась прочь из ванной вслед за портнихой.

В гостиной при нашем появлении с кресел подскочили две совсем юные девушки, скорее даже подростки лет тринадцати, наряженные в светлые туники. На диванчике лежал ворох тканей, и помощницы Паучихи дружно двинулись к нему.

– Полотенце, – строго велела Черная Звезда и протянула руку.

Пришлось отдать ей свою единственную одежду и неловко прикрыться руками, настороженно косясь на дверь. Я отчаянно надеялась, что никто не войдет в самый неподходящий момент.

– Не сутулься, – отрывисто скомандовала женщина, обходя меня по кругу, и я получила ощутимый тычок острым пальцем между лопаток. – Да. Кости, конечно, торчат, но не сильно. Не тощая, а именно тонкая, хрупкая. Хорошо.

Дальше мне дали белье, в которое я поспешно облачилась и почувствовала себя куда увереннее: мягкая ткань ласкала тело и прикрывала от цепкого взгляда Паучихи.

– Почему ты стесняешься? – спокойно спросила Айга, выразительно вздернув аккуратно подведенную бровь.

– А почему не должна? – в свою очередь удивилась я.

– Потому что здесь нет посторонних мужчин. Ты что, никогда не пользовалась общественными купальнями? Откуда, кстати, Ив тебя привез?

– Из Далена, это…

– Северяне, – женщина махнула рукой, оборвав меня. – Можешь не продолжать. Нет ничего постыдного в наготе, когда она уместна. Особенно если это нагота красивого молодого тела. Разгуливать в таком виде по дворцу, конечно, не стоит, но в данный момент смущение неоправданно и глупо. В твоем случае даже нагота не выглядит бесстыдной, ты ведь явно совсем еще девчонка. Что ты на меня так недоверчиво косишься?

– Что значит – *даже* нагота? И почему именно *в моем случае*?

– Подрастешь – узнаешь, – рассмеялась она. – Некоторые и полностью одетыми умудряются выглядеть как… в общем, неважно. На севере вы, насколько я знаю, спокойно носите штаны, и такая одежда не будет тебя смущать? Отлично, подберем что-нибудь… необычное и привычное тоже.

– А можно я сначала поем? – проговорила я, с тоской поглядывая на груду ткани.

Паучиха снова смерила меня взглядом, усмехнулась и разрешила отложить примерку.

Когда через пару часов Черная Звезда с помощницами уходила, в сундуках моей спальни осела добрая половина того, что они принесли с собой: большинство одежды имело такой покрой, что даже не требовало подгонки по фигуре, все решалось с помощью пояса. Здесь не любили плотно облегающих вещей, предпочитали мягкие драпировки. Наверное, из-за жаркой погоды. Больше всего времени ушло даже не на примерку, а на мой завтрак и обучение меня искусству «как правильно надеть тунику».

Паучиха своим видом совсем не располагала к доверительным разговорам, поэтому я не рискнула задать те вопросы, которые собиралась, и вообще старалась помалкивать, отчаянно желая, чтобы женщина поскорее ушла. Мне кажется, Айга это понимала, и подобное отношение ее не то что не обижало, а искренне забавляло, как и мои короткие односложные ответы. Я старалась быть вежливой, но портниха вызывала устойчивую неприязнь, скрыть которую у меня, наверное, не получилось. У меня вообще никогда не получалось скрывать эмоции…

Правда, через несколько минут после того, как за Паучихой закрылась дверь, я пожалела о своей недальновидности. Чувства успокоились, а вопросы – остались, только теперь задать их было некому.

Я выглянула за дверь, про себя дивясь тишине и пустынности дворца. Странно, Райд говорил, что за дисциплиной следят строго, а занятия начинаются рано утром, но за все

время я так никого и не встретила, и сейчас тишина, как будто на дворе глухая ночь. Может, все уже на занятиях, где-то в другом конце дворца?

Несколько мгновений я постояла на пороге, раздумывая, стоит ли идти искать кого-нибудь, но потом решила не спешить, а нежданно образовавшееся свободное время потратить на сон, и вернулась в покои. Не так уж хорошо я отдохнула в охапке Железного регента. Или последние переживания оказались слишком яркими? Во всяком случае, уснула я почти мгновенно, провалившись в глубокий сон без сновидений.

Проснулась уже ближе к вечеру и едва успела одеться и выйти в первую комнату, где обнаружился еще горячий ужин, когда дверь без стука распахнулась, и на пороге возник Железный регент. Хмурый, задумчивый и еще более всклокоченный, чем был утром.

– Здравствуй, – при виде меня он заметно посветлел лицом и улыбнулся. Почему-то от этого и у меня на душе потеплело. – Тебе подходит этот наряд, он гораздо лучше прежнего.

– Спасибо, – с некоторым смущением проговорила я. – Вы за мной?

– За тобой. Но ты можешь не спешить, – отмахнулся он, аккуратно прикрыл за собой дверь и прошел к креслу, в которое опустился тяжело, грузно, что было совсем не похоже на обычные его точные движения.

– А вы так и не отдохнули с дороги? – спросила я участливо.

Он слегка качнул головой, обвел взглядом меня, комнату, потом запнулся взглядом о собственные сапоги и со смешком заметил:

– Не отдохнул. И переодеться, похоже, тоже забыл.

– Вообще, здешние одежды очень… просторны, и я пока не поняла, отличаются ли мужские от женских, – осторожно заговорила я, осененная внезапной дикой, но интересной идеей.

– Предлагаешь мне примерить что-то из твоих вещей? – легко расхохотался Ив, с лету ухватив самую суть.

– Простите, – я виновато опустила взгляд. Похоже, в присутствии этого человека мое неумение держать язык на привязи достигает пика. Еще хорошо, что он не рассердился… – Мне кажется, очень неприятно ходить в пыльной дорожной одежде, а бегать туда-сюда, чтобы переодеться, у вас наверняка нет времени.

– Знаешь, что самое забавное? – все еще улыбаясь, проговорил он. – Пожалуй, кроме Паучихи, никто и не заметит разницы. Мужские и женские одеяния действительно отличаются… деталями. А порой и не отличаются вовсе. Но на пути воплощения этого плана я вижу две серьезных преграды. Во-первых, мне не хочется смущать тебя своим присутствием в твоей ванной; надевать же чистые вещи на грязное тело неприятно и неправильно. А во-вторых, не думаю, что

размер обуви у нас тоже совпадает, – он выразительно хлопнул ладонью по высокому голенищу сапога. – Конечно, все эти вопросы вполне решаемы, можно было бы послать слугу за вещами, воспользоваться ванной в каких-то соседних покоях, но мне не хочется сейчас этим заниматься. Человек, с которым нам предстоит встретиться, наплевательски относится к таким мелочам, и куда проще сначала поговорить с ним, а потом уже спокойно заняться всем остальным. Впрочем, если тебя смущает…

– Нет-нет, если вам удобно, то все в порядке, – поспешила я заверить Ива. А потом, переводя тему, радушно предложила, широким жестом указав на стол: – Присоединяйтесь!

И только потом сообразила, что тарелку принесли лишь одну.

– Вот что я точно успел сделать, так это поесть, причем даже неоднократно, – вновь засмеялся регент, но все-таки подхватил с блюда апельсин и принялся его чистить.

Я же вновь поразилась, насколько улыбка и, паче того, смех преображают резкие черты его лица. Почти до неузнаваемости, как будто Ярость Богов превращается в совсем другого человека. Железным регентом он был тогда, когда не улыбался, а вот кто сидел сейчас передо мной – вопрос.

И этот мужчина с искрящимися теплыми глазами нравился мне гораздо больше того, железного.

Понимая, что уже откровенно пялюсь на собеседника, я вновь постаралась перевести тему. Может, не менее нелепо,

но это меня не беспокоило: я ничего не имела против его смеха.

– Как у вас ловко получается, – похвалила я Ива, а в ответ на его озадаченный взгляд пояснила: – Мне приходится шкурку надгрызать, иначе не удается почистить. То есть, наверное, это лучше бы делать ножом… – я одернула себя, соображая, что грызть апельсины – наверняка не самое достойное занятие.

Пробовать эти южные фрукты мне доводилось в те дни, когда мы путешествовали с отцом. Столицу он не любил, как и любые крупные города, но к морю нас все равно несколько раз заносило.

– Я в детстве тоже так делал, – заверил Ив, весело поглядывая то на меня, то на фрукт в своих руках. – Не бегать же каждый раз за ножом.

– И вас за это не ругали? – спросила я осторожно. Из какой семьи вышел Железный регент, я не знала, но почти не сомневалась, что род этот старый и уважаемый.

– Ругали, конечно. Апельсины же были ворованные, – проговорил он с задумчивой, какой-то усталой улыбкой, которая за пару секунд вдруг сползла с лица, уступив место хмурой вертикальной складке между бровями.

Я тут же укорила себя за бестактность. Ни о каких родственниках Железного регента я никогда не слышала, и было естественно предположить, что их не осталось. Я ведь сама не любила вспоминать детство, особенно раннее, не любила

и обсуждать его с кем-то, потому что там, в детстве, была мама, тоска по которой успела войти в привычку. И вот – пожалуйста, поставила Ива в такую же неприятную ситуацию.

– Рина, говори мне «ты», хорошо? – неожиданно попросил он, пристально взглянув на меня.

– Я… Но это… – беспомощно промямлила я в ответ, не представляя, как у меня это получится. Боги с высоким положением Ива и его репутацией, он же банально значительно старше и совсем мне не знаком!

– Пожалуйста, – веско добавил он.

– Я постараюсь, – неуверенно пообещала я. А в глубине души вдруг почувствовала удовольствие: такое отношение было приятно.

– Спасибо, – регент улыбнулся уголками губ и кивнул, после чего перевел взгляд на столик и вновь слегка нахмурился. – Я тебя совсем заговорил, ты ничего не ешь. Напрасно, силы еще пригодятся, ведь определение состава дара – муторное дело. Я постараюсь тебя не смущать и заодно немного вздремну.

Губы его исказила кривоватая усмешка, мужчина немного сполз в кресле, пристраивая голову на спинке, благо та оказалась достаточно высокой.

Несколько мгновений я растерянно смотрела на него, потом озадаченно покачала головой и все-таки принялась за еду, развлекая себя при этом пространными размышлениями о том, насколько мне повезло родиться именно в Вирате.

Потому что где-то еще подобная забавная ситуация была бы просто невозможна.

У нас очень просто относятся ко многим вещам, в том числе и к еде. Даже во дворце кесаря достаточно аккуратно пользоваться столовыми приборами и не пачкаться, чтобы сойти за приличного человека. Единственное, к чему мне приходилось привыкать, – это держать тарелку на весу одной рукой, потому что на севере принято есть за столом, а не сидя в кресле. Но это было несложно, блюда готовили с учетом традиции, и для них достаточно было вилки либо ложки.

В Прете, например, едят руками или двумя тонкими палочками, сидя прямо на полу, на толстом ковре. А в Альмире количество столовых приборов зависит от количества блюд, причем последнее определяется положением хозяина. То есть в королевском дворце пришлось бы орудовать парой-тройкой десятков вилок и ложек.

Но главное – и там, и там обед является в первую очередь церемонией, и регент не смог бы позволить себе вот так спокойно дремать в кресле, да еще находясь при этом в покоях посторонней девушки, даже будь он трижды сумасшедшим.

Не знаю, как Ив сумел уснуть в такой позе, она казалась не слишком-то удобной. Но с другой стороны, он явно очень сильно вымотался: сутки в седле, причем еще неизвестно, сколько сил отбирала поездка над облаками, да и после регент явно работал. Тут не захочешь – уснешь, едва прикрыв глаза.

Присмотревшись, я различила и усталые складки в уголках губ, и тени под глазами, и вообще сейчас Ив казался старше, чем обычно.

Почищенный целый апельсин лежал на краю стола.

Еще не закончив с едой, я поняла, что разбудить регента у меня рука не поднимется. Проснется вскоре сам – ладно, не проснется – никто от этого не умрет. Я несколько лет ждала возможности начать учебу и легко подожду еще день, а если так себя не беречь, то не только с ума сойти можно. Потому что железный-то он, конечно, железный, но не бессмертный же!

А железо тоже устает и ржавеет.

Приняв это решение, я тихонько поставила пустую тарелку обратно на стол и постаралась поудобнее устроиться в кресле.

Через некоторое время в комнату аккуратно и бесшумно заглянула девушка в такой же одежде, какая была на давешнем слуге, провожавшем меня в Верхний дворец. Разве что туника ее была заметно длиннее, почти до щиколоток. Девушка замерла на пороге, с изумлением уставившись на нас с Ивом, но я приложила палец к губам, призывая к молчанию, и виновато улыбнулась, пожав плечами.

Служанка опомнилась, взглядом вопросительно указала на стол, но я, покосившись на регента, отрицательно качнула головой. В ответ получила понимающий кивок, и дверь за девушкой закрылась.

Зря я, наверное, спала днем, лучше бы в самом деле осмотрелась в саду и дворце. Сейчас я чувствовала себя бодрой, полной энергии и совсем не хотела неподвижно сидеть в кресле.

Мне вообще тяжело даются бездействие и неподвижность. У Большой Крыши я, когда не играла, обычно помогала хозяевам, благо работы всегда хватало. Возиться на кухне или конюшне было гораздо приятнее, чем сидеть на месте без дела. Иногда я, правда, выбиралась в публичную библиотеку, но случалось это не так часто, как хотелось бы, – на это требовалось потратить целый день, потому что читать книги приходилось на месте, с собой их выдавали далеко не всем. Я к числу учеников, студентов и благополучных горожан не относилась и доверия достойна не была.

Через некоторое время меня начало подмывать все-таки разбудить Ива, якобы случайно, но я отругала себя за такое малодушие.

А еще чуть позже кто-то незнакомый избавил меня от бестолкового спора с самой собой. Из коридора послышались голоса, шаги, а потом совсем рядом хлопнула дверь, и Ив, вздрогнув, проснулся. Резко выпрямился, обвел комнату расфокусированным пустым взглядом, потом тряхнул головой и озадаченно уставился на меня:

– Почему ты меня не разбудила?

– Извините… то есть извини, я подумала, что тебе будет лучше поспать, а этот разговор и до завтра может подождать.

– Спасибо за заботу, конечно, это приятно, – улыбнулся он рассеянно и поднялся с кресла. – Вот только нас ждут, пойдем.

– Об этом я как-то не подумала, – раздосадованно пробормотала я в ответ.

– Ничего страшного. Если честно, я действительно очень благодарен тебе за участие, мне за этот час на самом деле стало легче. Просто я предпочитаю заканчивать дела, а не откладывать их на потом. Конечно, разговор с даном может и подождать, но если давать себе слабину по пустякам, потом гораздо сложнее ответственно подходить к серьезному делу.

– Интересная точка зрения…

Когда мы вышли в коридор, то его недавнюю мягкую тишину сменило множество звуков. Откуда-то доносились смех, легкая музыка, искаженный слабым эхом бойкий разговор – Верхний дворец ожил.

Вскоре мы с Яростью Богов даже наткнулись на пару юношей, спорящих о чем-то прямо посреди коридора. Завидев нас, они прервали разговор, едва ли не хором поздоровались с Ивом, но смотрели не столько на него, столько на меня. Железный регент их, к слову, не пугал совсем.

– Вы… не знаешь, где все были днем? – негромко спросила я его, когда мы прошли мимо. – Утром тут было так тихо, ни одной живой души.

– Сегодня день отдыха, поэтому утром, наверное, большинство спали, а потом занимались в библиотеке, гуляли в

саду или в городе. Редко кто сидит в жилом крыле целый день, – пожав плечами, пояснил Ив.

– В городе? То есть отсюда запросто можно выйти и прогуляться в город? – я недоверчиво покосилась на регента.

– Это ведь не тюрьма, – чуть улыбнулся Ив. – Только об уходе и цели прогулки надо сообщать Паучихе.

– Портнихе?!

– Она не только портниха, она еще следит за порядком в Верхнем дворце. Раньше эта территория была общей и управлялась одним старшим смотрителем, Траном Черная Звезда. После смерти кесаря сложилось такое разделение, которое существует сейчас, старый смотритель остался здесь, а в Нижнем дворце появился другой человек. А потом Тран умер, и приглядывать тут за порядком стала его вдова – они и до этого фактически делили обязанности на двоих.

– То есть ее имя – это имя мужа?

– В общем, да, но ей подходит, – насмешливо заметил мой спутник. – Они вообще друг другу очень подходили.

Когда мы спускались по ступеням, Ив придержал меня за плечи, чтобы я не упала, запутавшись в непривычно длинном подоле, а потом и вовсе предложил локоть для опоры. Я в первый момент ухватилась за него машинально, больше сосредоточенная на неровной дорожке и непривычных сандалиях, примотанных к ногам тонкими шнурками. И лишь потом почувствовала неловкость, но локоть регента все-таки не выпустила: лучше перетерпеть смущение, чем растянуть-

ся на этой дорожке.

А еще лучше было бы, если бы вместо сна я потренировалась ходить в этой обуви и этой одежде!

Ив вежливо приноравливался к моему шагу и не торопил, очевидно, понимая все затруднения. Через сотню шагов я уже вполне освоилась и на беду начала обращать внимание на совсем другие вещи. Например, на ощущение твердой мужской руки под ладонью. Или на запах регента – резкий, но почему-то совсем не кажущийся неприятным.

Чувствуя, что мысли уходят куда-то не туда, я поспешила заговорить:

– А к кому именно мы идем?

– В Нижнем дворце живет много людей, которых надо как-то развлекать. Среди прочего там есть несколько данов, один из которых умеет читать в душах.

– Человек с таким редким даром развлекает народ? – удивилась я.

– Ему нравится, – Ив пожал плечами. – Здесь никто никого не удерживает силой.

– Я совсем не это имела в виду!

– Я знаю, – коротко ответил он.

Сейчас сад, как и Верхний дворец, тоже совсем не казался пустынным. Если поблизости от дома детей кесаря еще было достаточно безлюдно, то потом мы с Ивом как будто перешли незримую границу и попали в совсем другой мир, наполненный жизнью и звуками. Похоже, те, кому запрещено

было входить в обитель детей кесаря, не могли этого сделать при всем желании: путь в Верхний дворец охраняли чары.

На нас с интересом и без малейшего стеснения пялились. Регента некоторые сторонились и делали вид, что в упор его не видят, большинство здоровались с разной степенью учтивости – от обычных вежливых приветствий до откровенного заискивания. Ив с одинаково каменным выражением лица отвечал всем, чаще просто кивками. В отдельных частях дворца было шумно и даже слишком людно, но перед Ивом люди расступались, освобождая дорогу.

Я настороженно жалась к нему, радовалась, что иду здесь не одна, а с такой надежной охраной, отпугивающей любопытных, и при этом не забывала украдкой разглядывать окружающих. Впрочем, думаю, окажись я здесь одна, и такого болезненного любопытства никто бы не проявил: их интересовала спутница Железного регента, а не какая-то девочка-дана.

Но пройти все равно оказалось бы гораздо сложнее.

– Здесь всегда так много народа? – спросила я, когда мы преодолели небольшую комнатку, в которую набилась внушительная гудящая толпа. Кто-то один говорил громче всех, но я не могла, да и не хотела разбирать слова.

– По-разному, но мы просто идем напрямик. Можно было обойти это крыло, и дорога получилась бы гораздо спокойней.

– Но что они все здесь делают? О чем говорят?

– Ничего не делают, – Ив поморщился. – Вернее, они пьют, разговаривают, интригуют, но ничего полезного не делают. Не волнуйся, обратно мы пойдем иным путем, потому что к тому времени… не важно.

– Что не важно?

– Просто велик шанс наткнуться на какую-то куда более неприглядную сцену.

– Но почему их никто не выгонит?! – возмутилась я.

– Лично мне безразлично, есть они или нет, – честно признал регент. – А кое-кто полагает, что они очень полезны.

– Чем именно? – продолжила допытываться я.

– Здесь куда проще наблюдать за ними, вовремя пресекать лишние течения или, наоборот, создавать новые, удобно пускать необходимые сплетни. Почти все нужные люди или их эмиссары под рукой, – равнодушно отмахнулся Ив. – Пришли.

Путь окончился в просторной, ярко освещенной комнате, народу в которой, к счастью, было совсем немного. Кресла и диваны стояли кругом, на одном из последних возлежал молодой мужчина с великолепной лирой в руках, вокруг сидели слушатели, преимущественно женщины. Правда, сейчас бард не играл, он молча буравил взглядом пространство, а присутствующие развлекали себя разговорами. Немолодой слуга обносил желающих напитками и едой, стоявшими на нескольких столиках поблизости.

– Наконец-то страх и ужас Вираты явился по наши ду-

ши, – резко поднявшись с места, с улыбкой проговорил дан. – Мы все чрезвычайно рады тебя видеть, дамы очень скучали, – продолжил он, обходя нас по кругу.

Ив не отвечал, не перебивал и вообще никак не реагировал, явно ожидая, пока бард договорит.

– И, как я погляжу, на этот раз в его уютные сети попала очаровательная певчая птичка?

Он был не просто молод, он был вопиюще юн по сравнению с тем, которого я успела себе представить. Наверное, мой ровесник. Хрупкий, светловолосый и миниатюрный, на полголовы ниже меня. Голос его отличался совсем не мужской высотой, а лицо привлекало внимание своей возмутительной, какой-то чрезмерной некрасивостью: острый длинный нос, большой рот с тонкими губами, маленький скошенный подбородок, чуть косящие серо-зеленые глаза. Бард напоминал не то лягушку, не то какое-то насекомое. Но хуже всего была пакостная, глумливая ухмылка, кривившая губы и не касавшаяся мутной зелени глаз.

Глядя на него, я только крепче вцепилась в локоть Ива и опять мысленно поблагодарила своего спутника за то, что не отправил меня на встречу с этим типом в одиночестве.

– Пошли вон, – отрывисто и холодно скомандовал регент, не глядя на людей.

Присутствующие послушались беспрекословно, я не заметила ни одной недовольной мины. Кажется, эти люди были не из тех, кто имел право демонстрировать свое возму-

щение. Или просто никто не рисковал перечить Железному регенту вот так напрямую?

– И чем же он купил твое доверие, птичка? – продолжил дан уже более вкрадчивым тоном, когда дверь закрылась за последним уходящим человеком. – Посулами? Улыбками? Страхом? Защитил от злобного муженька или отчима?

– Хватит паясничать, – оборвал его Ив. В голосе регента звякнуло Железо, и я напряглась, ожидая чего-то нехорошего.

Но дан вдруг отступил на шаг, снял с лица омерзительную гримасу и проговорил буднично:

– Эй, не сердись, железяка, это только ты умеешь мгновенно менять маски, остальным требуется время!

Не знаю, как это получилось, но сейчас дан стал казаться гораздо более приятным. Красивым не стал, но и неприязни уже не вызывал.

То есть он всего-то перестал ухмыляться, но трудно было поверить, что такое незначительное действие способно так преобразить человеческое лицо.

– Что ты можешь сказать про Рину? – проигнорировав и обращение, и восклицание, спросил Ив.

– Потенциал хороший, а вот к чему – это надо разбираться, что-то неочевидное. Поэтому для начала сядь где-нибудь и не дави на меня, сам ведь знаешь, насколько мне «приятно» твое общество, – дан выразительно скривился. – Лучше бы тебе вообще погулять где-нибудь подальше, но понимаю,

что девочку мне на съедение ты не оставишь.

Против ожидания, Ив не стал возражать и устроился в кресле в отдалении. Выпускать его руку очень не хотелось, но цепляться было глупо. Не думаю, что этот собрат по силе мне навредит, особенно при таком свидетеле, но он все равно вызывал опасение куда большее, нежели Железный регент даже в первые минуты нашего знакомства. Искра не реагировала на него вовсе, но это не успокаивало.

Чем-то очень нехорошим, неприятным, опасным веяло от этого маленького человечка с некрасивым лицом.

– Рина-ласточка, птичка певчая, – проворковал дан, обходя меня по кругу. – А ласточки не поют, деточка…

Я бросила беспомощный взгляд на регента, но тот оставался невозмутимым, с каменным лицом наблюдая за происходящим. Пришлось и мне брать себя в руки и спешно вспоминать, что в предыдущие годы я как-то обходилась без мужской помощи, обойдусь и сейчас.

– Вы мое имя знаете, назовитесь и сами, – проговорила я, стараясь, чтобы голос звучал твердо и уверенно, но вежливо.

Боги, в этом месте вообще есть нормальные люди?!

– Храбрая маленькая птичка, – ухмыльнувшись, бард окатил меня пристальным, липким взглядом и пошел на второй круг. – Хала Пустая Клетка к твоим услугам, – он низко поклонился, отставив ногу для устойчивости и сделав какой-то замысловатый жест рукой. Больше всего это походило на движение из странного танца.

Потом дан резко распрямился, и я инстинктивно отпрянула. Почему-то чудилось, что спина его, разгибаясь, непременно должна была издать скрип, треск или иной подобный звук, но двигался этот странный человек очень проворно и бесшумно.

– Пос-смотрим… – прошипел он, поймал мой взгляд – и уже не позволил его отвести.

Все вокруг закружилось, завертелось, поплыло цветными пятнами. Только два мутно-зеленых озера с черными омутами зрачков оставались неподвижными, но они приближались и разрастались, постепенно заполняя весь мир, затягивая в себя.

Я в панике забилась, пытаясь вырваться из этого болота, сбросить наваждение, и казалось, что это понемногу удается. Но потом мир вспыхнул яркой зеленью, опалил жаром, и две черные дыры махом поглотили меня, кажется, разорвав на тысячу частей.

Очнулась я на чем-то мягком, от осторожного прикосновения к лицу твердых пальцев и неразличимого шепота. Нечто тяжелое давило на плечо и грудь, мешая свободно дышать. Открыв глаза, я обнаружила себя лежащей на одном из диванчиков все в той же комнате, а слева от себя – Ива в очень странной позе. Мужчина стоял рядом с диваном на коленях, согнувшись и уткнувшись лбом мне в плечо, левый его локоть давил мне на грудь, а пальцы поглаживали щеку и висок.

– Что случилось? – тихо спросила я. Голос звучал странно сипло, перед глазами все слегка расплывалось, мысли путались, но по крайней мере ничего не болело.

От моего голоса регент дернулся, вскинул голову – и вздрогнула уже я. Зрачки, сжавшиеся до размеров просяного зернышка, смотрелись откровенно жутко на фоне заполнившего глаза уже знакомого серебристого металла. Да и выражение лица… я толком не поняла эмоций Ива, но по спине будто мокрым пером провели. Регент пару мгновений сверлил меня взглядом, потом отстранился, шумно вздохнул, зажмурился на мгновение, тряхнул головой и осторожно перехватил мою ладонь.

– Ты… упала, – медленно проговорил он и вновь пристально посмотрел на меня. Но теперь глаза Ива были нормальными, если не считать тонкой красной сеточки полопавшихся сосудов, отчетливо заметной вблизи, и углубившихся теней вокруг.

– А потом? – спросила я осторожно, поскольку регент умолк.

– А потом я не помню, – он неопределенно пожал плечами и, хмурясь, огляделся. Тихо проговорил себе под нос: – Надеюсь, я его не убил… Как ты себя чувствуешь?

– Сносно, – проговорила я, вновь прислушавшись к себе, и осторожно села.

Голова не кружилась, да и в остальном ощущения были гораздо лучше, чем я могла ожидать. Кроме того, я с некото-

рой растерянностью обнаружила, что это не у меня проблемы со зрением, а стены, пол и все предметы в комнате покрывает какая-то мутная полупрозрачная пленка.

– Что это? – спросила я отчего-то шепотом.

– Где? А, это… – Ив, оглядевшись, недовольно скривился. – Просто защита. Сейчас пройдет.

Пленка действительно истаивала на глазах. А еще я вновь заметила, что правая рука мужчины приобрела такой же странный вид, как тогда, во время нападения на дороге.

– Почему, когда ты обращаешься к силе, это так странно проявляется внешне? – рискнула я проявить любопытство. – Или это нормально для фиров?

– Это… почти нормально, – осторожно ответил регент. – Когда поток силы большой, но нет полного контроля над ним, получается вот такое.

– И у тебя его нет? – проговорила озадаченно.

Он качнул головой, неопределенно передернул плечами.

– Ее слишком много. Силы. В некоторых ситуациях это полезно, но не всегда. На самом деле я умею очень мало: убивать и защищать. Ну, и некоторые фокусы вроде дороги по облакам.

Такого подробного ответа я не ожидала, но похоже было, что звук собственного голоса и отвлеченные разговоры помогали Иву успокоиться. Он поднялся с пола, сел рядом со мной, вторая рука его наконец приобрела человеческий вид.

Ладони моей он по-прежнему не отпускал.

Да я и не настаивала: было не по себе, и меня почему-то тоже успокаивало присутствие регента.

Наверное, дело в том, что из множества людей, находящихся сейчас в обоих дворцах, только Ива я хоть немного знала и доверяла ему, несмотря ни на что. Искра доверяла, а мне не оставалось ничего иного, как следовать ее воле.

Странная пленка, названная Ивом «защитой», окончательно истаяла довольно быстро, но мы долго продолжали сидеть в тишине. Нарушил ее слабый скрип открывающейся двери, и в проеме показалась взлохмаченная голова дана. Окинув нас взглядом, он просочился внутрь полностью, аккуратно прикрыл за собой дверь и очень спокойно, серьезно проговорил:

– Знаешь, железяка припадочная, я больше никогда не соглашусь хоть что-то делать в твоем присутствии. Я люблю свое призвание и уважаю твои проблемы, но жизнь свою я люблю и уважаю несравнимо больше.

– Прости. Сегодня выдался тяжелый день, – виновато проговорил регент. – Ты успел что-нибудь узнать?

– Тяжелый – это ты верно подметил. Я-то успел, но это вряд ли порадует кого-то из вас, – пожав плечами, Хала уселся в кресло напротив, болтая в воздухе ногами – до пола они не доставали. На лице барда виднелось несколько ссадин, одежда была в прорехах, но в остальном он, кажется, сумел избежать гнева Железного регента.

– Что случилось? – насторожилась я.

– Ничего нового. Дар у тебя действительно есть, и он весьма многогранен. Небольшие способности к указанию пути, целительству, чтению душ.

– Но почему такая яркая Искра? – нахмурился Ив.

– Потому что есть еще одна грань, именно она дает такое сияние, но грань эта скрыта.

– В каком смысле? – опешила я.

– Такое нередко случается, – Хала рассеянно потер лоб ладонью. Сейчас дан казался заметно старше, и назвать его мальчишкой я бы не смогла при всем желании. Видимо, непросто ему дался своевременный побег из комнаты… – Грань спрятана от посторонних глаз, Искра мешает ее рассмотреть. Чаще всего удается эту грань разбудить, что я и попытался сделать, но попытки такие иногда проваливаются, что мы также могли наблюдать.

– И? – подбодрил его Ив.

– И снова пытаться бесполезно, результат будет такой же.

– Значит, об этой грани можно забыть? – спросила я.

Не могу сказать, что подобное меня всерьез разочаровало. Когда регент говорил про высокую ступень и силу дара, я ни в коем случае не думала, что он лжет. Но до нынешнего момента я толком не задумывалась об этом и не рассчитывала на что-то серьезное, поэтому проще оказалось принять такое известие, чем обнаружить что-то большое.

– Нет, почему же? Просто обстоятельства должны сложиться определенным образом, чтобы дар проснулся сам.

– Проще говоря, проснется дар или нет – зависит от богов, – подвел итог Ив.

– Да. А теперь, сделайте одолжение, проваливайте отсюда! К девушке у меня претензий нет, а вот тебя я дольше терпеть не собираюсь.

– Хорошо. Спасибо за разъяснения, – кивнул Ив, и мы, распрощавшись, вышли.

Я почти не удивилась, обнаружив в коридоре небольшую толпу. Нас провожали жадными, любопытными и настороженными взглядами, внимательно изучая одежду, лица, волосы… Что они искали, я так и не поняла: раны, следы какого-то непристойного времяпрепровождения или нечто еще, неподвластное моей фантазии.

– Этот Хала очень странный тип, – проговорила я, когда мы выбрались в пустой коридор. – Мне кажется, он совершенно ненормальный.

– Он нормальный, просто он читает в душах, и делает это слишком хорошо, – качнул головой Ив. – В некоторые души лучше не заглядывать, но не всегда это получается. Со мной вот фокус не проходит.

– Не скажи, – с сомнением проговорила я. – Когда мы вошли, он с первого взгляда таким показался…

Ив неопределенно хмыкнул, а потом неуверенно проговорил:

– Всякое может быть. Хала старый, очень старый. Первый раз я его видел в детстве, и уже тогда он был старым.

– Старый? Этот мальчишка? – опешила я. – Даны и фиры, конечно, порой живут долго, но… – я растерянно качнула головой. – А откуда у него такое имя, Пустая Клетка, ты тоже не знаешь? Из-за его любви к птичкам?

– Есть много версий, – протянул Ив задумчиво. – Мне наиболее правдоподобной кажется та, которая говорит о другой клетке, – он выразительно похлопал себя по ребрам.

В молчании мы покинули дворец и двинулись через сад, освещенный редкими неяркими огоньками. Регент действительно выбрал сейчас другую дорогу, которая вела в обход больших скоплений людей, и обратный путь оказался значительно приятней и спокойней. Но в саду все равно тут и там из темноты доносились шорохи, смешки, тихие голоса, какие-то совсем невнятные звуки. Если по дороге в Нижний дворец нам попадались все больше гуляющие люди, то теперь казалось, будто ожил сам сад.

– Странные люди, – задумчиво заметила я. – Что интересного в том, чтобы бродить в темноте среди кустов?

– Бродим тут только мы, – усмехнулся мужчина. – Большинство использует это место для долгих и приятных свиданий.

Я растерянно хмыкнула и хотела уточнить, что хорошего может быть в долгом свидании в кромешной темноте, а потом вдруг поняла намек Ива. И порадовалась, что едва рассеянный фонарями мрак надежно скрывает то, как пылают мои щеки.

Пожалуй, слуга, который провожал меня в Верхний дворец, был прав: лучше сюда не приходить без надежного сопровождения.

Ив проводил меня до комнаты, пообещал, что завтра ко мне зайдет учитель, и пожелал доброй ночи. Я в ответ тоже вполне искренне пожелала ему хорошо выспаться, но регент к этому пожеланию отнесся как-то скептически.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.